

СЫГРАЙ НА ЦИТРЕ

18+

ДЖОАН ХЭ

Джоан Хэ
Сыграй на цитре
Серия «Young Adult. Азиатское
магическое фэнтези»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68720325

Сыграй на цитре : Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-175987-2

Аннотация

414 год. Времена правления династии Синь и вечного хаоса. На троне императрица-марионетка. Мир раскололся на три царства, и каждый правитель стремится захватить весь континент.

И только отважная Зефир может помешать коварным планам.

Осиротев в юном возрасте, девушка стала хозяйкой своей судьбы. Теперь она блистательный стратег под командованием Синь Жэнь. Зефир предана своей наставнице и верит, что она единственная, кто достойна стать императрицей и взойти на трон. Но нельзя забывать, что каждый может предать или быть преданным. Зефир вынуждена проникнуть на вражеские земли, чтобы спасти людей Синь Жэнь от неминуемой гибели. Там она встретит загадочного Ворона, юношу, который станет достойным противником. Смогут ли они объединиться против общих врагов, ведь ими могут оказаться не только смертные?

Содержание

Ключевые фигуры	6
Куплет первый	11
1. Нечто из ничего	12
2. Кинжал за улыбкой	33
3. Царство чудес	54
4. Глиссандо	67
5. Первое ноября	95
6. Золотистая кожица Цикады	109
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Джоан Хэ

Сыграй на цитре

Посвящается Хезер, моей##¹

Joan He

STRIKE THE ZITHER

Copyright © 2022 by Joan He

Published by arrangement with Folio Literary Management, LLC. All rights reserved.

© Самойлова А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Ключевые фигуры

Север / Столица Империи Синь / Царство Чудес

Императрица: Синь Бао²

Премьер-министр: Миазма

Стратег: Ворон

Советник: Слива

Именитые генералы: Гадюка, Коготь, Леопард

Южные земли / Царство Эрудиции

Леди: Цикада

Стратег: Ноябрь

Западные земли

Губернатор: Синь Гун*

Советник: Сыкоу Хай

Именитые генералы: Сыкоу Дунь, Астра, Папоротник

Безземелье

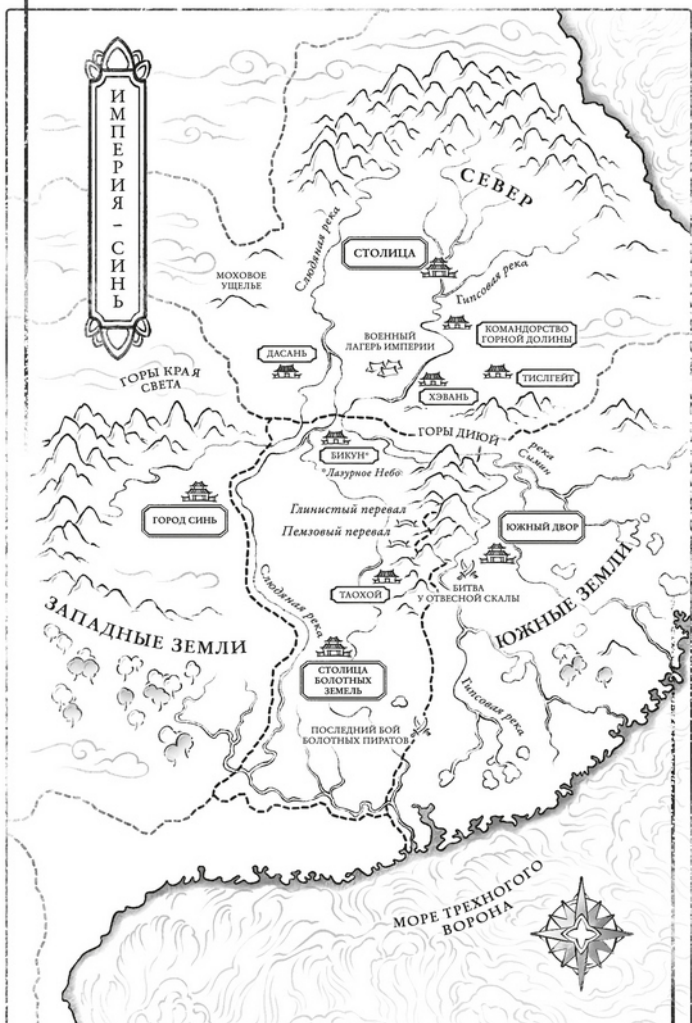
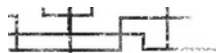
Леди: Синь Жэнь*

Названные сестры: Облако, Лотос

Стратег: Зефир

Именитые генералы: Турмалин

² Фамилия предшествует имени. Например, Синь Бао и Синь Жэнь носят общую фамилию «Синь».

Прошу обратить внимание, что это вымышленное произведение. Династия Синь не существовала в истории, и действие этого романа не разворачивается в Китае; а описанные общественное устройство и демографическая ситуация не соответствуют действительности. «Сыграй на цитре» не должно использоваться в качестве учебного справочника. Китайская философия и духовность, метафизика ци, мифология богов, техника игры на гуцине – вот лишь некоторые из областей, в которых были допущены художественные вольности.

Куплет первый

*К северу, миазмы
опустились на столицу и окутали ее,
захватив юную императрицу в свой плен.*

*К югу, цикада
пела песню отмищения,
пока народ оплакивал свою покойную королеву.*

*Между землями, леди,
не имея ничего,
стремилась изменить свою судьбу.*

*А высоко за облаками,
в небесном царстве, не хватало одного бога.*

1. Нечто из ничего

Некоторые утверждают, что небеса диктуют взлет и падение империй.

Очевидно, что эти невежды никогда не встречали меня.

Мои навыки стратега подарили мне множество прозвищ, начиная с Тени Дракона и заканчивая Тактиком Тислгейта. Но мой личный фаворит – это Восходящий Зефир. «Зефир» тоже сойдет, если вам так угодно.

– Павлин!

Только если ты не Лотос. В этом случае я прошу слишком много.

Я изо всех сил стараюсь усмирить свою кобылу; лошади не ценят гениев.

Как и Лотос.

– Эй, Павлин! – зовет она, перекрикивая скрипучие фургоны, плачущих младенцев и щелканье кнутов. Она подгоняет своего жеребца вдоль противоположной стороны, вверх, пока мы мало-мальски не оказываемся лицом к лицу, и между нами проносятся головы людей и быков. – Они догоняют!

Что же, меня это совсем не удивило. Миазма, номинальная председательница Совета Министров Империи Синь, а в сущности – действующая императрица, неизбежно настигнет наших солдат и сельских жителей, которые сейчас – благодаря Лотос – осознают, что вот-вот погибнут. Ребенок за-

ливается слезами, тетушка спотыкается, молодая пара подстегивает своего мула, чтобы тот поспешил. Безрезультатно. Отвесную лесную тропу размыло вчерашним ливнем, и ее истоптали в месиво сотни эвакуированных нами.

А впереди еще тысячи.

– Сделай что-нибудь! – кричит мне Лотос. – Пошевели мозгами! – Ее волосы разметались, как лошадиная грива, вокруг лица, и она размахивает своей секирой так, словно ей не терпится пустить ее в ход.

Это нам не поможет. Мы боремся не только с Миазмой. Наша собственная численность утягивает нас на дно. *Мы должны эвакуировать всех*, грозно дала указание Жэнь³, когда я предположила, что нам пора спастись из этого города. *Миазма учинит кровавую резню над простыми жителями только за то, что они укрывали нас.*

У Миазмы все еще есть этот шанс при таких-то темпах, но с милосердием нашей главнокомандующей Синь Жэнь не поспоришь. Большинство стратегов его бы не потянули.

Но я могу.

– Придумай план! – ревет Лотос.

Благодарю за доверие, Лотос. У меня уже три в запасе, представляешь? Первый (бросить мирное население) можно даже не брать в расчет, но еще есть второй – (срубить деревья

³ У имени Жэнь может быть несколько толкований: #гép (с *кит.*) – человек, люди; #гép (с *кит.*) – милосердие, гуманный; гèп (с *кит.*) – поручать дело на службе, исполнять обязанности.

и молиться о дожде) и третий – (отправить к мосту у подножия горы заслуживающего доверия генерала для сдерживания натиска Миазмы).

Второй план приведен в действие, если судить по влажности. Я отправила генерала Турмалин и ее войска на вырубку деревьев позади нас. Стволы смоем грядущим штормом, и образовавшаяся в результате запруда должна задержать кавалерию Миазмы на пару часов.

Что же касается отправки к мосту заслуживающего доверия генерала...

Я перевожу пристальный взгляд с Лотос на Облако, другую названую сестру Жэнь. Она помогает эвакуированным подниматься дальше по топкому подъему, ее ультрамариновый плащ выделяется ярким пятном на фоне приглушенной зелени елей.

В стрессовой ситуации Облако соображает лучше, чем Лотос. Жаль, потому что я не знаю, смогу ли в нужный момент обуздать ее. В прошлом месяце она освободила Миазму из одного из моих капканов, потому что *Премудрый Мастер Шэнциус запрещает убивать с помощью заманивания в западню*. Все это очень мило, Облако, но был ли Премудрый Мастер Шэнциус когда-нибудь в бегах от империи? Я так не думаю.

– Ты. – Я указываю своим веером на Лотос. – Поезжай к мосту с сотней своих лучших людей и Извлеки Нечто из Ничего.

Лотос бросает на меня непонимающий взгляд.

– Просто... сделай вид, что у нас больше сил за рекой, чем на самом деле. Поднимите пыль. Пошумите. Запугайте их.

Это не должно вызвать больших сложностей для Лотос, чье прозвище подходит ей только в том случае, если представить корень, а не цветок. Ее боевой клич может спугнуть птиц с деревьев в радиусе $ли^4$. Она выковала свою собственную секиру и носит шкуру убитого ею тигра вместо юбки. Она – именно такой воин, какими и бывают воины, полная противоположность всему тому, за что ратую я. По крайней мере, Облако знает классическую поэзию.

Но у Лотос есть то, чего нет у Облако: способность выполнять приказы.

– Запугать, – повторяет она себе под нос. – Поняла. – Затем она скачет галопом вниз по склону горы на своем ужасающем жеребце и называет себя по имени в той своеобразной манере, как это делают некоторые воины перед тем, как отправиться в бой. – Лотос не подведет!

Гром заглушает грохот ее отъезда. В небе клубятся облака, а вокруг меня на ветру, в котором больше зловония, чем воздуха, кружатся листья.

В моей груди нарастает давление; я дышу сквозь него и сосредотачиваюсь на той точке, где мои волосы собраны в высокий хвост. Мой веер все еще у меня в руке.

⁴ #Lǐ – китайская единица измерения расстояния, в древности ли составляла 300 или 360 шагов (примерно 500 метров).

Это не первый раз, когда я делаю невозможное ради Жэнь.

И я сделаю. Миазма осторожна; надвигающиеся дожди в сочетании с запугиванием Лотос заставят ее дважды подумать, прежде чем преследовать нас в гору. Я *смогу* ее задержать.

Но в то же время мне нужно будет сделать так, чтобы мы ускорились.

Я резко дергаю поводья; моя кобыла упирается. Непокорность!

– Получишь репу и инжир! – шиплю я.

Дергая все сильнее, я вынуждаю ее пойти рысью вниз по склону.

– Оставьте выючных животных! – рявкаю я на поток медленно идущих людей. – Покиньте повозки! Это приказ военного стратега Синь Жэнь!

Они делают, что им велено, при этом не переставая хмуриться. Они любят Жэнь за ее благородство, Облако – за справедливость, а Лотос – за силу духа. Моя задача не в том, чтобы быть милой, а в том, чтобы вывести каждого жителя отсюда, с горы, в город, где нас уже должна ждать Жэнь с первой волной эвакуированных, другой половиной наших войск и – надеюсь – с судном для переправы на юг, чтобы я смогла обеспечить нас столь необходимыми союзниками.

– Живее! – рявкаю я. – Люди тащатся чуть быстрее. Я приказываю, чтобы кто-нибудь помог мужчине со сломанной ногой, но тут появляется беременная женщина, которая, кажет-

ся, вот-вот родит, босые дети, малыши без родителей. Влажный воздух сгущается, превращаясь в густой туман, и давление в моей груди поднимается к горлу. Предвестник приступа удушья, если так вообще бывает.

Даже не смей, думаю я, обращаясь к своему телу, пока еду дальше в строю, крича до хрипоты. Я проезжаю мимо вопящей девушки, зовущей свою сестру.

Через десять человек я встречаю девушку помоложе в похожей жилетке, которая тоже горланит в поисках сестры.

– Следуй за мной, – говорю я, тяжело дыша. Краем глаза я еще успеваю заметить воссоединение сестер, но тут молния обнажает лес. Животные хором взвизгивают – и моя лошадь в их числе.

– Репа...

Гремит гром, и моя лошадь встает на дыбы, а поводья ... Они выскальзывают у меня из пальцев.

* * *

Мы уже встречались со смертью. В этом отношении я ничем не отличаюсь от сотен, если не тысяч сирот. Наши родители умерли от голода, или от чумы, или из-за какого-нибудь разбушевавшегося военачальника, восставшего с войском из-за угасающей мощи империи. Возможно, тогда смерть и пощадила меня, но я-то знаю, что она там, затаившаяся тень. У некоторых хватает физических сил, чтобы

убежать от нее. У меня иначе. Мой разум – вот мой свет и свеча. Пусть тень убегает от *меня*, а никак не наоборот.

Так что мне не страшно, когда я погружаюсь в грезы про рай. Все это так знакомо. Белая плетеная беседка. Вложенные известняковые террасы. Небо в цвету магнолии. Музыка ветра, пение птиц и всегда, всегда эта мелодия.

Мелодия цитры.

Я лечу за знакомой музыкой над озерами из розовых облаков. Но розовый цвет исчезает, и грезы превращаются в кошмар воспоминаний.

Звон сошедшихся клинков. По улице несутся громopodobные скакуны. Наконечник копья пронзает туловище, плечет багряным... Я хватаю тебя за руку, и мы бежим. Не знаю, друзья нам эти воины или враги, откололся ли сейчас какой-то полководец от империи и провозгласил себя царем или это силы империи, пришедшие, чтобы освободить нас, а может быть, убить. Мы просто сироты. Даже не люди для этих воинов. Все, что мы можем сделать, это пытаться спастись от них бегством. Бежать. Твоя рука выскальзывается из моей; я выкрикиваю твое имя.

Ку!

Меня сносит поток бегущих на меня людей. Я не могу тебя найти. Наконец пыль оседает. Воины уходят.

Ты тоже бросила меня.

Я резко выпрямляюсь, задыхаясь.

– Спокойно. – Руки, сомкнувшиеся на моих предплечьях.

Лицо: брови, похожие на ястребиный клюв, шрам на переносице. Это Турмалин, третий генерал Синь Жэнь – *единственный* генерал Жэнь с подходящим прозвищем, учитывая, что нрав Турмалин крепок, как драгоценный камень. Мы относимся друг к другу терпимо, насколько это вообще возможно для воинов и стратегов. Но прямо сейчас Турмалин – не тот человек, которого я хочу видеть.

Она не сестра из моего видения.

– Спокойно, Зефир, – говорит она, когда я вырываюсь из ее хватки.

Выдох за выдохом я высвобождаю свое разочарование. Турмалин, в свою очередь, отпускает меня. Она протягивает мне бурдюк с водой. Я сжимаю его в нерешительности. Вода смывает ее имя с моего языка, имя, которое я не произносила уже шесть лет.

Ку.

Но видение – это всего лишь кошмар, и когда Турмалин говорит: «*Пей*», я пью.

Турмалин принимает более удобное положение. Ее серебряную кольчугу облепила засохшая грязь.

– Ты, Зефир, благословлена богами, – говорит она, и я кашляю, набрав полный рот воды. – Либо так, либо ты сделала что-то хорошее в прошлой жизни.

Реинкарнация и боги – постоянно фигурируют в крестьянских мифах.

– Я добралась до тебя за несколько секунд до того, как это

сделали колеса фургона, – продолжает Турмалин. Я могла бы обойтись и без мысленного представления этой картины, но лучше уж пусть Турмалин найдет меня на земле, а не Лотос или Облако. Эти двое раскудахтались бы об этом на весь белый свет, не забыв даже своих матушек. Что же касается всех...

Мой взгляд устремляется к тому, что меня окружает. Мы в палатке. Сейчас ночь. Снаружи жарится что-то с душком. Все это хорошие признаки того, что нас не уничтожила Миазма.

И все же мне нужно это услышать, чтобы убедиться наверняка.

– Мы добрались до Хэваня?

Турмалин кивает.

– Ровно десять *ли*, гора и река отделяют нас от войска Миазмы. Дождь пошел именно тогда, когда ты и предсказывала. Им потребуется по меньшей мере день, чтобы расчистить путь, и четыре, чтобы пройти в обход.

– А Лотос?

– Об этом будет гудеть вся империя. Представь только – множество барабанов и рева! Генералы Миазмы бежали так быстро, что можно было подумать, у нас скрытая сила в десять тысяч человек.

Я с трудом проглатываю еще немного воды. Хорошо. Миазма – параноичка. Она услышит звуки боя, увидит труднопроходимую местность и подумает о *западне*. Которая нам

не по силам, но пока Миазма верит в иллюзию, созданную Лотос, мы выигрываем себе столько времени, сколько ей потребуется, чтобы собрать подкрепление – день, по моим подсчетам.

Потом я вспоминаю прихрамывающего мужчину, стенающую женщину, плачущих сестер. Если они живы...

– Они живы, – подтверждает Турмалин, – и обязаны этим принципам одного человека.

– А Жэнь?

– Насколько мне известно, она встречалась с губернатором Хэваня, – говорит Турмалин.

Она поддерживает меня, когда я встаю. Упираясь руками в поясницу, я взираю на скудную кучку пожитков, которые пережили путешествие со мной. Мои белые одежды запачканы грязью без надежды на восстановление, и я морщу нос, глядя на сменный комплект. Бежевый. Мерзость.

Тишину нарушает Турмалин.

– Ты не должна вот так уезжать одна.

– Я прекрасно умею *ездить верхом*. Это из-за лошади. Твой трюк с репой и инжиром не сработал. Или это было глупостью с моей стороны – последовать совету воина.

Турмалин моргает, всего один раз и медленно.

– Я не обнаружила у тебя ни репы, ни инжира.

– Я обещала их в качестве награды. – Очевидно, лошадь их не заслужила.

Еще одно затянувшееся моргание.

– Я оставлю тебя переодеться, – наконец говорит Турмалин.

Она выходит из палатки. Оставшись одна, я со стоном надеваю бежевую одежду. Застегиваю широкий ремень, наклоняюсь – рука нависает над замотанным свертком, являющимся моей цитрой, – и беру свой веер. Я тщательно встряхиваю журавлиные перья и разглаживаю изгибы, медленно проводя пальцами по единственному перышку зимородка. Подарок от моего последнего наставника, который прожил дольше остальных. *Одна звезда не может осветить галактику*, сказал он, пришивая перо.

Я не звезда, – возразила я. – Я – сама вселенная.

Но даже на вселенную могут воздействовать невидимые силы. На следующую ночь метеорит упал на моего наставника и сровнял его хижину с землей.

Теперь я могу предсказывать падение метеоритов. Отслеживать пути всех звезд, прогнозировать погодные явления в девяти случаях из десяти. Окружающая среда, во всей своей красе, – наш единственный союзник. Ее использование в наших интересах даровало мне прозвище *Способная изменить Судьбу*. Но работа, которую я делаю, – это не магия. Это запоминание, изучение и применение на практике. Она сокращает количество факторов, которые я не могу контролировать, и уменьшает упование на чудо.

Сегодняшний день, без сомнения, был чудом. Мне больно это признавать, но если в следующий раз метеорит не убьет

Миазму, даже я не смогу спасти нас, если мы продолжим передвигаться с таким количеством крестьян.

Пришло время мне поговорить с Жэнь.

Я засовываю бамбуковую рукоятку веера между широким поясом и своей талией, собираю волосы в хвост и выхожу из палатки в ночь.

Вдоль дороги, ведущей к городской площади Хэваня, на поперечных шестах стоят жаровни. Тут жарят молочных поросят. Под шатром сохнут белье и стеганные одеяла, а горожане и наши солдаты поднимают тосты за Жэнь. Наша слава всегда шла на шаг впереди войска. Города приветствуют нас. Губернаторы, которые презирают Миазму, предоставляют нам убежище. Простолюдины практически выстраиваются в очередь, чтобы следовать за нами через реки и горы.

На этом надо остановиться.

За столом под шатром я замечаю Жэнь, сидящую с губернатором Хэваня и жителями города. В своем потертом сером одеянии, залатанном широким поясе и со скромным пучком волос на макушке, она почти неотличима от оборванцев вокруг. Почти. В ее голосе слышна сила. И грусть, которая, как мне иногда кажется, не сочетается с ее легкой улыбкой. Теперь она ухмыляется чему-то, что говорит ей солдат.

Я направляюсь к ней.

– Эй, Павлин!

Боже, пощади меня. Только не снова.

– Павлин!

Игнорируй ее. Но потом я слышу голос моего третьего наставника, учителя по шахматам. *Ты не можешь управлять людьми словно шахматными фигурами. Ты должна внушать доверие.*

Значит, внушать доверие.

– Зачем ты зовешь ее сюда? – Облако спрашивает Лотос, когда я поворачиваюсь лицом к их столу. Ее синий плащ ниспадает на широкие, закованные в броню плечи; а волосы, заплетенные в толстую косу, – на спину. – Разве тебе не надоело, что тебе весь день приказывают?

– Я хочу увидеть ее вблизи! – объясняет Лотос, и ее лицо озаряется, когда я подхожу *поближе*. – Ты и *правда* сменила цвет.

Павлин или хамелеон, Лотос. Определись уже.

– Хм, – произносит Облако, оглядывая меня. – Что с твоим белоснежным одеянием? Дай-ка угадаю: ты, божество, устала от навозных пятен.

Солдаты вокруг нее гогочут. Я фыркаю. *Они* бы и не поняли, почему я ношу его. Белый – цвет мудрецов, чистоты и мудрости, и...

– Ходят слухи, что ты сегодня свалилась, – не унимается Облако. – Жэнь попросила меня поискать плотника в этом городе. Очень жаль, что нет никого искусного, кто мог бы починить твою карету.

Колесницу. Хитроумное изобретение, на котором я ездила до того, как оно первым пало жертвой грязи. Я поднимаю

взгляд на Облако, и она смотрит в ответ, выпрямив спину. Вне всякого сомнения, я ей не нравлюсь, потому что пользуюсь благосклонностью Жэнь, несмотря на то что я не являюсь ни одной из двух ее названных сестер. Бедная. Меня мало интересует дружба с Лотосом или Облако, девятнадцатилетней и двадцати- с чем-то летней воинами, которые ведут себя так, как будто им десять. Я начинаю уходить – и вскрикиваю, когда Лотос хватается меня за руку.

– Постой! Тост за павлина! – Вино проливается из чаши, которую она поднимает. – Она сегодня всех спасла!

Я вырываюсь.

– Продолжайте без меня.

Выражение лица Лотос меняется.

– Ой, да не вешай нос, – говорит Облако. Ее гордый голос перекрывает общий гомон, когда я намечаю путь отступления. – Ты же знаешь, что говорят о стратегах.

Уходи.

– Да они пить не умеют.

Уходи.

– Один глоток, и их уже выворачивает...

Я отступаю назад, выхватываю чашу у Лотос и опрокидываю ее. Лотос хлопает ладонью по столу.

– Давай еще!

Внезапно со всех сторон меня обступают воины, все толпятся, чтобы наполнить чаши. Они передаются снизу вверх. Лотос наливает из кувшина.

– Кто здесь считает, что Черепушка – бог? – Черепушка, должно быть, придуманное Лотос прозвище для Миазмы. Руки поднимаются, и Лотос ревет: – Труссы! Жэнь – бог!

– Прекрати болтать, – говорит Облако. – Жэнь не желает, чтобы ты трепалась об этом. – Затем она ударяет себя кулаком в грудь и заявляет на весь стол: – Я – бог!

– Нет, я бог!

– Я бог!

– Я бог!

Крестьяне вы все, думаю я, когда все больше вина расплескивается на меня, а не в рот. Кто-то рыгает. Лотос выпускает газы. Я высвобождаюсь в ту же секунду, как вижу проход, протискиваясь из давки.

Я едва успеваю добежать до куста, как меня тошнит.

Это было три, Облако. Я смотрю, нахмутив брови, на беспорядок, который я учинила в кустах – а если быть точной, в тисовом кусте. Чешуйчатая коричневая кора. Хвоя, закручивающаяся спиралью вокруг стебля. Круглые и красные ягоды. Токсичные для людей, которые, я надеюсь, достаточно умны, чтобы не кормиться с диких кустов, и лошадей, которые наверняка умны достаточно. Я должна предупредить кавалерию...

Меня снова рвет.

– Ай-я, мои названные сестры достали тебя, не так ли?

Жэнь.

Я вытираю рот и спешу, поворачиваясь к ней и низко кла-

няясь в пояс.

– Вольно, вольно. – Жэнь ждет, пока я выпрямлюсь. – Я поговорю с ними.

Чтобы они стали еще более строптивыми?

– Это не было...

– Кто на этот раз назвал себя богом?

– Облако. – *Х.м.* – Да все они, в конечном счете.

– Да простят небеса их крамольничество, – говорит Жэнь, но она улыбается. – Может быть, сбежим на какое-то время от них? Проведем разведку в городе? – Она поворачивается, затем снова смотрит на меня, беспокойство смягчает ее улыбку. – Если ты не против.

Как будто я позволила бы каким-то воинам взять надо мной верх.

Я снова вытираю рот и сопровождаю Жэнь через наш временный лагерь. Она отмечается в войсках, помогает солдату починить пару ботинок, спрашивает беременную женщину, когда у нее роды. Я стою в стороне – это не совсем та «разведка», которую я себе представляла, – и, наконец, путь приводит нас к западной сторожевой башне Хэваня. Жэнь первой поднимается по бамбуковой лестнице. Я забираюсь за ней, легкие горят. Мы поднимаемся на вершину и смотрим на город. Ночь ясная, небо усыпано звездами.

– Скажи мне, Цилинь. – Лишь Жэнь по-прежнему называет меня моим настоящим именем. Слишком поздно говорить ей, что я терпеть его не могу. – По шкале от одного до

десяти насколько ты близка к тому, чтобы уйти с поста?

Я снова спешу поклониться.

– Если я сделала что-то, что разочаровало...

– Ты спасла нас сегодня, – твердо перебивает Жэнь. – Но вряд ли это то, на что ты подписывалась.

Она не может знать. Обо всех моментах, когда я стирала свои одежды, пытаясь очистить их от копоты и всякой мерзости, или ночах, когда лежала без сна и не могла заснуть, чувствуя себя скорее пастухом крестьян, чем стратегом.

Но в конце концов все это – несущественные неудобства. Даже крестьяне. Наша самая острая проблема – отсутствие возможности проехать на лодке на юг. *Поднять его...*

– Я не подведу тебя, – выпаливаю я.

– Я знаю, – говорит Жэнь. – Я просто беспокоюсь, что сама подведу тебя. И, может быть... – Она смотрит на небо. – Я подведу ее.

В ночи сотни звезд, но я точно знаю, на какую из них она смотрит. Это маленькая и мутная звезда нашей Императрицы Синь Бао.

Жэнь смотрит на нее так, как будто она – солнце.

Насколько мне известно, Жэнь встречалась с нашим несовершеннолетним монархом всего однажды, что на один больше, чем у большинства. Императрицы с древности жили уединенно во дворце, их власть зависела не от того, какие они сами по себе, а от древней традиции, которую они представляли, и от их дворов. Двор Синь Бао принадлежал

к длинной династии регентов.

Миазма – последняя из них.

Когда Синь Бао попросила Жэнь вызволить ее из когтей Миазмы, Жэнь восприняла это как детский крик о помощи. Она оставила свой пост в императорской армии, подняла оружие против своих старых сослуживцев. С тех пор Миазма одержима идеей уничтожить Жэнь по той же причине, по которой за ней следует так много крестьян: из всех военачальников, бросивших вызов империи за последнее десятилетие, у Жэнь самая законная причина. Самая законная претензия, если однажды она возжелает трона. Как члены рода Синь, она и Синь Бао имеют общую кровь. И хотя Миазма утверждает, что это она ниспослана небесами, я знаю, что некоторые думают так же про Жэнь. Потому что рядом со звездой императрицы Синь Бао есть еще одна звезда. Она появилась в небе восемь лет назад. Миазма может внушать что угодно имперским космологам, но даже она не может опровергнуть слухи. А в народе говорят, что новые звезды символизируют богов.

Эта звезда-бродяга может принадлежать кому угодно.

Я знаю звезды, но я не верю в богов. А даже если бы и верила, то не думаю, что они хоть сколько-нибудь заботятся о нас. Пока мы смотрим на небо, рука Жэнь тянется к кулону на ее шее, на котором выгравирована фамилия Синь. Интересно, что более тягостно: связать свою судьбу с высшей силой или со своей семьей?

Мне повезло, что у меня нет ни того, ни другого.

В конце концов Жэнь стряхивает с себя эти чары.

– Поспи немного, Цилинь. – Ее рука тянется к моей спине, но затем вместо этого ложится мне на голову. По какой-то причине мои синяки все еще болят. – Мы отправляемся завтра рано утром. Мы оставим простых жителей здесь...

На сердце становится легче.

– ...и обеспечим защиту города частью наших сил.

Никаких потерь, говорю я себе. Слова «наши силы» мало что значат, когда постоянно находишься в отступлении.

– Леди... – зову я, прежде чем она спускается с башни. – А как же моя идея с лодкой для переправы на юг?

Жэнь морщится.

– Мне очень жаль, Цилинь. Каждая река в радиусе ста *ли* отсюда контролируется империей.

– Я найду способ. – Я всегда его нахожу.

Я наблюдаю за Жэнь сверху, как она идет, люди кланяются на ее пути. Я закрываю глаза, внезапно чувствуя усталость. Но я не потеряла самое главное: свое предназначение в этом мире.

Я стратег. Единственный у Жэнь. Три раза она приходила в мою хижину Тислгейта, умоляя меня служить ей. Я слышала о таких военачальниках, как она. Брось им кость мудрости, и они уже в пути. Поэтому я рассказала ей о цели Восходящего Зефира: *Союз с Югом. Создать цитадель на Западе. Выступите на Север слишком рано, и вы будете раздавлены.*

Но сначала заявите права на Юг и Запад, и империя будет не хуже, чем эта.

Жэнь выдержала. Империя принадлежит императрице Синь Бао. Я всего лишь ее защитница.

И хотя председательница Совета Министров Миазма также называла себя защитницей, что-то в словах Жэнь отозвалось во мне. В тот день они подтолкнули меня уйти с ней. Тогда я не знала, почему. Теперь, после года службы у нее, я это знаю. К черту регалии и слухи о ее божественности – это была искренность. Ее харизма. Черты характера, которые я лично никогда не ценила, но если Жэнь смогла заставить *меня* покинуть мою хижину, то какую власть она может иметь над людьми? Я видела тысячи сторонников Синь, которые объединились бы вокруг ее идей. Я видела свое будущее. Помогу Жэнь восстановить власть Синь Бао и стану величайшим стратегом страны. Я сотру ту девушку, которой я была, девушку, которую я вижу, когда отключаюсь.

Одинокую фигуру в грязных бежевых одеждах на обочине дороги.

Свою сестру, потерянную в потоке спасающихся бегством людей.

Кровь и пыль. Это все, что оставили после себя воины. Их боевые кличи, такие смутные. Запах огня все ближе...

Огонь.

Мои глаза распахиваются.

Дым. Он струится с вершины горы, словно серое перо в

ночи. Алая паутина через лес, который мы только что расчистили, кровоточит от дерева к дереву. Нет ни барабанного боя, ни призыва к войне, ни смога горящего дерева – слишком сырого, чтобы разгореться естественным путем, – все это говорит мне о том единственном, что мне нужно знать: Миазма близко.

2. Кинжал за улыбкой

Миазма близко.

Это не могло произойти. У нас должно было быть несколько часов, прежде чем она вернется с подкреплением на рассвете. Теперь у меня есть самое большее несколько минут, прежде чем городская стража поднимет тревогу и всех охватит тупое безумие.

Я, ковыляя, спускаюсь по ступенькам сторожевой башни и бегу к шатру, где храпит Лотос, растянувшись на скамье, с пустым винным кувшином в руке. Я толкаю ее ногой; она закрывает лицо рукой. Я отбрасываю руку в сторону, и она вскакивает на ноги, размахивая своей секирой.

Я подхожу сразу, как только опасность быть выпотрошенной минует.

– Что ты сделала?

– Что... сделала? – бормочет Лотос, потирая лицо.

– На мосту. – Я сжимаю веер, пока не белеют костяшки; это все, что я могу сделать, чтобы не закричать. – Выкладывай все. И не скупись на подробности.

– Я отпугнула Черепушку и обрушила мост, как ты и приказала.

– Ты *что*?

– Я отпугнула их и обрушила мост...

– Ты. Тронула. Мост.

Лотос кивает.

Нет. Нет, нет, нет. Вся суть Извлечения Нечто из Ничего состоит в том, чтобы создать иллюзию силы, и Лотос разрушила эту иллюзию, когда обрушила мост. Леди с десятью тысячами воинов никогда бы так не поступила. Леди с десятью тысячами воинов оставила бы мост в покое, чтобы заманить врага в западню.

Как коварный стервятник, кем она и является, Миазма, должно быть, сделала круг назад, увидела разрушенный мост и раскусила наш блеф. Мы могли бы выиграть несколько дней, показавшись достаточно устрашающими, чтобы им потребовалось подкрепление. Вместо этого мы выиграли столько часов, сколько нужно лучшим инженерам империи, чтобы построить временный переход.

– Разве я не должна была это делать? – спрашивает Лотос, но мои мысли уже там, рядом с горящими деревьями. Еще один умный ход. Огонь выкуривает любые замаскированные войска, расчищает путь от поваленных деревьев и оповещает о намерениях Миазмы. Она *хочет*, чтобы мы запаниковали и убежали. От Хэваня ведет сплошной склон. Мы станем легкой мишенью для вражеских лучников. Как олени на королевской охоте, мы не сможем убежать. Не можем бороться. Мы в невыгодном положении – и умрем, если будем прикидываться, что это не так.

Пока я расхаживаю взад-вперед, Лотос поднимает голову и нюхает воздух.

– Это... огонь?

– Bravo! Угадала с первого взгляда. И кто, по-твоему, это устроил?

– Кто?

– Попробуй угадать.

Лотос двигает челюстью. Ну не должно же это быть так сложно – во всей империи есть только один человек, который так сильно хочет заполучить наши головы, что готов поджечь лес, – и медленно ее глаза становятся круглыми, как тарелки.

Она вприпрыжку бежит к конюшням.

Блестяще. Как раз то, что мне было нужно.

– Лотос! Постой! – Я, спотыкаясь, бегу за ней. – Остановись прямо там! Я приказываю тебе!

Я подбегаю к конюшне как раз в тот момент, когда она выскакивает оттуда, уже оседлав лошадь. Ее жеребец встает на дыбы, и я пячусь назад.

– Отведи Жэнь в безопасное место! – кричит она, как будто стратег она. Затем она скачет галопом с боевым кличем. Ее подчиненные вываливаются из своих палаток и вскакивают на своих лошадей. Я снова на волосок от смерти от копыт лошади.

– Лотос! – Крысиная печенка. Какой бы тщетной ни казалась эта затея, я бросаюсь в погоню. Когда я пробегаю мимо зернохранилищ, гвардейцы сторожевых башен приходят в себя. Вверх и вниз от тщательно утрамбованных земляных стен звенят бронзовые колокола, и войска Жэнь высыпают

наружу, хватая копыта и изорванные знамена Жэнь. Эвакуированные и жители Хэваня следуют за ними несколько сонных минут спустя, хватая плуги и молотки для отбивки мяса.

Я протискиваюсь мимо всех них. Гражданские или солдаты, все они – крестьяне, отчаянно идущие навстречу неминуемой смерти.

Лотос не является исключением. Я добираюсь до городских ворот слишком поздно; я не создана для состязаний с воинами. Согнувшись пополам и тяжело дыша, я гневно гляжу на массивные отпечатки копыт ее жеребца, в то время как ее воины проносятся справа и слева от меня. Затем я выпрямляюсь. Туго затягиваю конский хвост на голове.

Я все еще контролирую ситуацию. У меня все еще в запасе свои военные уловки.

Когда я нахожу Жэнь у конюшни, она уже в седле, двойные сабли – заслуженно названные Достоинство и Порядочность – приторочены к ее спине. Мое лицо выражает осуждение, и Жэнь застывает.

– Ей нужна я, – говорит она, как будто это приемлемая причина, чтобы выехать к внушительной пятитысячной армии Миазмы.

– Так что ты решила просто сдаться.

– Лотос где-то там.

– Без твоего приказа. – И вопреки моему.

– Цилинь...

– Позволь мне. – Я сжимаю одну руку в кулак, накрываю

его другой рукой и склоняюсь, подставив их обе под подбородок в знак почтения. – Позволь мне выехать за ними с двадцатью солдатами.

– Для чего? – Облако подъезжает к Жэнь трусцой на своей грузной кобыле и окатывает меня ледяным взглядом. – Чтобы умереть?

Может, это план Лотос, но не мой.

– Чтобы остановить Миазму, – учтиво произношу я. Не можем же мы всегда быть настолько плохи.

– С двадцатью солдатами. – Облако заостряет внимание на моих узловатых запястьях. Я знаю, о чем она думает. Я уже сталкивалась с несчетным количеством таких, как она: более сильными детьми в приюте. Солдатами в городах. Она думает, что мои стратегии предназначены для слабаков и трусов, которые не могут встретиться лицом к лицу со своими врагами. Что мой выезд с двадцатью солдатами – это уловка или блеф, не говоря уже о том, что Лотос и вовсе выступила с половиной этого числа. Поражение немыслимо для воина. Они умирают прежде, чем увидят, как оно наступает.

Я боролась со смертью всю свою жизнь.

– Если я потерплю неудачу, я приму военное наказание за ложь моей леди.

– Если ты потерпишь неудачу, твоя голова будет красоваться на пике державы рядом с нашими. – Облако подается вперед, нависая надо мной со своей лошади. – Просто, что ты собираешься сделать? Прикончишь ее своими сладкими

речами?

– Облако, – говорит Жэнь, и в ее голосе звучит предупреждение.

Честно? Да, Облако, и у этой стратагемы есть название: *Скрывать За Улыбкой Кинжал*. Но зачем просвещать война?

– Что бы я ни планировала, это наш единственный вариант. – А затем продолжаю, прежде чем успеваю сдержаться: – Я бы взяла тебя с собой, Облако, но я просто больше не могу рисковать тем, что Миазма ускользнет во второй раз.

– Ты...

– Достаточно. – Жэнь протягивает руку; Облако неохотно снимает свою руку с древка своей глефы⁵ с серповидным лезвием. Мне же Жэнь говорит: – Двадцать солдат. Против Миазмы.

– Да.

Мгновение тишины.

– Я верю в тебя, Цилинь.

Тогда уважь меня.

– Ты можешь взять свою двадцатку.

– Благодарю. – Я снова кланяюсь. Когда я поднимаю взгляд на Жэнь, ее глаза наполняются тревогой. *За Лотос*. Но когда я клянусь вернуть ее названую сестру невредимой, Жэнь хмурит брови, и мне приходит в голову неловкая мысль о том, что, может быть, только может быть, Жэнь бес-

⁵ Глефа – вид древкового пехотного холодного оружия ближнего боя.

покоится за меня.

Ну а почему бы ей не беспокоиться за меня? Я единственный стратег этого лагеря. Жэнь не может позволить себе потерять меня. Но ей не стоит нервничать. Я еще не подводила нас и сейчас начинать не планирую.

Я быстро собираю свою двадцатку. Они не самые сильные и умные. Они бледнеют, когда я говорю им о нашей цели. Но они не мешкают, и через несколько минут мы готовы ехать.

Я ищу Турмалин, прежде чем мы уедем.

– У шатра, – говорю я чуть слышно, – ты найдешь тисовые кусты. При первой же возможности скорми листья лошадям. Убедись, что тебя никто не поймает и что вина ляжет на меня.

Турмалин отвечает не сразу. Возможно, она тоже знает, что листья тиса могут сделать со взрослой лошастью. Если так, то она делает вид, что не раскрыла мой саботаж. Ее взгляд направляется к жеребцу рядом со мной.

– Куда ты направляешься?

Сначала? К Миазме. Потом? Туда, куда меня поведет Миазма. Но в конечном счете?

– На юг. – Я говорю это с уверенностью. Я молюсь, чтобы она не спросила меня, *каким образом*. Это мне еще предстоит выяснить.

– Когда ты вернешься?

– Я не знаю. – Слишком честно. Все дело в вине – должно быть, в вине, думаю я, хватая Турмалин за руку. – Что бы ни

случилось, я на твоей стороне. Ты понимаешь?

Турмалин смотрит на мою руку так, словно она неожиданно выросла из ее щитка для запястья. Моя хватка усиливается.

– Ты понимаешь?

– Я понимаю.

– Когда придет время, я вернусь. А до тех пор забудь, что у нас вообще был этот разговор. Если Жэнь начнет допытываться, ничего не говори. Держите ее здесь. Она в безопасности в Хэване. – То есть будет, как только я отвлеку Миазму.

– Я понимаю, – повторяет Турмалин. – Но есть еще кое-что.

Она уходит – и возвращается со своей лошадью, белой кобылой без единого пятнышка. Она протягивает поводья.

– Жемчужина ведет себя как надо, с репой, или инжиром, или без них.

Мне требуется мгновение, чтобы понять ее намерения. Возникает подозрение. *Ходят слухи, что ты свалилась*, Облако сказала до этого. Это Турмалин сообщила ей? Что, если эта доброта – издевательство? Это кружит мне голову – и я отшатываюсь, когда Турмалин предлагает мне свою руку.

– Я могу сделать это сама.

Три попытки спустя я благополучно взбираюсь на лошадь. Пыхтя, смотрю вниз на Турмалин.

Если бы я могла клонировать себя, я бы это сделала. Выполнила бы свои собственные последние инструкции. Но,

как бы то ни было, я должна верить, что Турмалин реализует мои планы лучше, чем Облако или Лотос. Она передает мне поводья и отступает назад.

– Поезжай осторожнее.

Я натянуто киваю и бросаю последний взгляд на Жэнь.

Осиротела в тринадцать лет. Ее род не поддержал ее. Сражается за Империю Синь Бао, но против войск империи, присвоенных Миазмой. Другие могут думать, что это гиблое дело, но я вижу эпопею, которую будут помнить на протяжении веков.

Я не вернусь с пустыми руками. В следующий раз, когда я увижу всех, мы будем в альянсе с Южными землями.

Я вонзаю свои шпоры. Ворота с грохотом открываются для меня и моей двадцатки; колокола сторожевой башни звонят громко, затем тихо, когда мы погружаемся в открытую ночь. Наши лошади быстро прокладывают тропу сквозь грязные, изрытые колеи, возвращая нас тем же путем, которым мы пришли; гора возвышается на горизонте как темно-волосая голова. Лунный свет льется на следы копыт, оставленные Лотос и ее подчиненными, отчеканенные как серебряные монеты. Затем деревья смыкаются – десять *ли* пролетают невероятно быстро, когда вы едете не туда, куда бы хотелось, – и тропы больше нет. Тьма сжимает нас в своем кулаке. Я даже не вижу елей, только чувствую их игольчатые пальцы на своих щеках, когда мы переходим с галопа на рысь.

Дым усиливается. Мои глаза слезятся, пока я борюсь с желанием закашляться. Появляются первые факелы, маленькие, как светлячки. Жемчужина издает ржание; я подталкиваю ее вперед. Позади меня слышен всхлип.

Справа от меня звенит тетива лука, когда кто-то накладывает стрелу.

– Убери, – рявкаю я. Остальным: – Вы *ничего* не должны делать без моего приказа.

После этого никто не издает ни звука. Слышен лишь шорох подлеска под нашими копытами и стук моего сердца. Поводья в моей руке скользят, и я рада, что мои солдаты не видят, как я вздрагиваю от далекого звука бряцания стали о сталь.

В любой момент. Предвкушение – вот волк, охотящийся за моими мыслями. *В любой момент...*

– Стой!

Солдаты Миазмы появляются из-за деревьев. Их лица и тела вымазаны сажей, но за всей этой чернотой видно ламинарное сияние их доспехов. Только лучшее для приспешников империи.

Одна подъезжает ко мне. Плащ из леопардовой шкуры возвышает ее над рядовым солдатом. Она генерал.

Воин.

Мое сердце колотится быстрее.

Я спешиваюсь, вознося благодарность небесам за то, что моя нога не зацепилась за стремя, Жемчужина не струхнула.

ла, да и в остальном я пока не выставила себя душой. Мои солдаты пытаются сомкнуться вокруг меня, но их останавливают люди Миазмы. Копье упирается мне в подбородок, заставляя приподнять его. К моему лицу подносят факел.

Леопардовый плащ подает знак другому приспешнику. Вместе они рассматривают мою разношерстную группу из двадцати человек.

– Люди Жэнь, – говорит приспешник.

Леопард кивает, затем поднимает руку. Тетивы луков стоят с деревьев, на которых взгромоздились лучники Миазмы.

Я прикусываю щеку, вызывая поток слюны. Мой голос полон и округл, когда я говорю:

– Я здесь для того, чтобы поговорить с вашей леди.

Затаенное дыхание. Подрагивающие тетивы.

– Она ждет меня. И, – я понижаю голос, – ты же знаешь, какой она бывает, когда не получает того, чего хочет.

Леопард молчит.

– Убей остальных, – наконец говорит она.

– Они пойдут со мной, – говорю я, перекрывая вой тетив.

Затем я приказываю своим солдатам спешиться и сложить оружие.

Степень нашей беспомощности становится очевидной, как только наше оружие падает в подлеске. Двадцать против по крайней мере двухсот. Безоружны против мечей и лучников на деревьях, готовых выпустить стрелы. Мы не про-

сто слабы. Мы убоги. Сокрушить нас было бы все равно, что ударить молотком по муравью. Перебор.

Леопард опускает свою сигнальную руку, и солдаты империи устремляются внутрь. Вокруг моих запястий обвивается веревка, в то время как что-то, подозрительно похожее на наконечник древкового оружия, вонзается в мой позвоночник, побуждая быстрее идти вперед.

Мои икры напрягаются, когда мы начинаем идти вверх по склону. Спустя, кажется, несколько часов нас выводят на затянутую туманом поляну у подножия горы. Мои глаза изо всех сил пытаются приспособиться к красноватому свету факелов и полосам лунного света, пробивающимся сквозь них, и как только им это удастся, я сразу же различаю Лотос и ее подчиненных.

Они связаны, словно утки для ощипывания, их лица в синяках, изо рта течет кровь, глаза заплыли. В отличие от них, я знаю, как действовать не так опрометчиво. Потому что перед ними, собственной персоной, с наполовину выбритой головой и единственным красным лакированным колокольчиком, свисающим с мочки ее уха, как капля крови, стоит единственная и неповторимая Миазма.

Она не видит нас, если только у нее нет глаз на затылке, но она должна была услышать наше приближение. Именно это и происходит, когда Лотос хрипит:

– Павлин?

Хорошо, что сохранение анонимности не является обяза-

тельным элементом для моей стратагемы.

Леопард подкрадывается к Миазме и шепчет что-то ей в проколотое ухо. В ответ Премьер-министр Империи Синь тянется за своей саблей. Изогнутый клинок, с зеркальным блеском, вырастает из ножен.

– Я скоро присоединюсь к своему гостю.

Затем она замахивается.

Колокольчики должны звенеть. А головы – падать с глухим стуком. Но все почему-то не так, и голова звенит, падая в листья папоротника, а колокольчик Миазмы все стучит и стучит, яростно раскачиваясь у ее уха, когда она распрямляется и возвращается в центр, в то время как подчиненный падает и умирает в обезглавленном поклоне.

Из-за стенаний Лотос птицы сегодня не садятся в свои гнезда поблизости.

– Так. Теперь ты всецело завладела моим вниманием. – Миазма проводит большим пальцем по пропитанному кровью лезвию и облизывает подушечку, затем протягивает саблю мне, предлагая. – Не хочешь попробовать?

В воздухе витает сильный запах железа. Моя собственная шея пульсирует.

– Боюсь, мой желудок не такой крепкий, как у тебя. – Или что-либо во мне, если уж на то пошло. Миазма может быть и меньше пяти *чи*⁶ ростом, но у нее жилистые руки, которые

⁶ # (chǐ) – традиционная китайская мера длины; условно соответствует английскому футу; примерно 30,5 см.

видно из-под ее ламинарного жилета без рукавов. У нее точеное лицо, словно наконечник стрелы, тонкий слой кожи натянут на кости и вены. В свои двадцать пять она всего на два года старше Жэнь, но выглядит на десять лет старше и породила тысячи слухов. Миазма способна убивать наемных убийц, пока они спят. Миазма маринует печень своих врагов. Миазма подобна червю: разрежь ее пополам, и она отрастит тело снова.

По последним слухам, Миазма – это бог, посланный небесами, чтобы спасти империю на грани краха. Я предпочитаю факты слухам, но факты ненамного лучше. Когда семь лет назад группа радикально настроенных крестьян под названием Красные Фениксы выступила против столицы империи, Миазма подавила восстание и дослужилась до звания генерала кавалерии. А шесть лет назад Клика Десяти Евнухов планировала убийство императрицы Синь Бао; Миазма истребила их и всех их живых предков, «спасая» Синь Бао и одновременно укрепляя власть в армии и при дворе. Так что, естественно, когда кроткая Синь Жэнь, ветеран Восстания Красного Феникса, родом из какого-то безымянного городка, осудила ее, назвав жестоким тираном, Миазма была, мягко говоря, недовольна.

Теперь я стою лицом к лицу с врагом. Многие называют ее злом.

Я бы охарактеризовала ее как беспринципную, что, на мой взгляд, гораздо опаснее.

Миазма пожимает плечами в ответ на мой отказ, вытирает клинок и убирает его в ножны. Лотос всхлипывает. Я беру себя в руки и делаю шаг вперед.

– Не советую, – говорит Миазма. Вспыхивает свет факела, позволяя мне бросить мимолетный взгляд на сотни конных войск, окруживших поляну. – Если только ты не хочешь, чтобы полетело еще больше голов твоих друзей.

Я заставляю себя сделать еще один шаг.

– Они мне не друзья. – Еще один. – Я долго ждала этой возможности. – Теперь встать на колени со связанными руками, пусть непросто, но мне это удастся, и я склоняюсь над кучкой белых поганок. – Моя леди.

Тишина.

Смех Миазмы больше напоминает карканье, начинающееся и заканчивающееся в ее горле.

– Неплохо – для твоей первой речи в дезертирстве. Практика пойдет тебе на пользу.

– За меня говорят мои действия, а не слова. Позволь мне доказать свою преданность.

– Преданность той, которая предает свою собственную леди.

– Я никогда не давала клятвы верности Синь Жэнь. Я поддерживала ее дело только потому, что она пришла в мою хижину и умоляла.

Лотос перестает всхлипывать.

– Т-т-ты... предательница!

Миазма лениво машет рукой, и Лотос затыкают рот кляпом.

– Умоляла, – говорит она, смакуя это слово.

– Да, умоляла, – говорю я. – На коленях. Три раза.

– Она бы так и сделала, не так ли? – Размышляет Миазма. – Всегда безнадёжная, Милосердная Жэнь. И ты. – Ее голос внезапно грохочет. – Ты, Восходящий Зефир, всегда коварная. – Это прозвище вызывает у меня дрожь восторга; Миазма, должно быть, думает о каждом случае, когда нам удалось от нее ускользнуть. – За тебя говорят твои действия? – Она кивает на Лотос. – Что ж, давай. Докажи свою преданность, убив вот эту.

– И заставить тебя проиграть эту войну? Думаю, нет.

– А? – Миазма приподнимает бровь. – Поясни.

Я должна была уже потерять дар речи от страха. В итоге мою голову могут отделить от моей шеи до того, как закончится эта ночь. И я правда в ужасе – пока не касаюсь своего веера. Это то, что я делаю лучше всего: считываю атаки противника, использую уже накопленную информацию в качестве плана контратаки.

Я держу тут все под контролем.

– Ты знаешь Жэнь не хуже меня, – начинаю я. – Возможно, даже лучше, учитывая вашу общую историю. – Миазма усмехается над напоминанием о былых временах, когда два пустых места – Миазма, приемный евнух, и Жэнь, бесправный отпрыск могущественного рода, – бок о бок служили ди-

настиг. – Синь Жэнь – леди, у которой нет территориальной цитадели для обучения или снабжения своих войск. Оставьте ее в покое, и стихия позаботится о ней. Но убей любую из ее названных сестер, и в итоге в твоих руках окажется бесценный пес.

– Тогда чего же мы ждем? – кричит Миазма. – Мы раздавим ее прямо здесь, прямо сейчас. Я даже предоставляю тебе честь снести ее голову.

– Зачем так себя утруждать? Как раз перед тем, как прибыть сюда, я отравила две трети их лошадей тисом. – Лотос вопит сквозь кляп. Я игнорирую ее и продолжаю: – В ближайшее время Синь Жэнь и ее войска не покинут Хэвань.

Это заставляет Миазму задуматься. Очевидно, она не думала, что у меня хватит духу лишить их кавалерии. Она, вероятно, пошлет разведчика проверить. Это в ее природе – быть подозрительной.

– Ты прибыла не одна, – отмечает она.

– Я, едущая на встречу с тобой в одиночку? Даже такая дура, как Жэнь, могла бы почуять неладное. Эти солдаты – всего лишь прикрытие для моего дезертирства. И теперь они приносят себя в жертву достойной леди. Убей их. Допроси их. Двадцать, может быть, принесут и не так уж много пользы против ваших пяти тысяч, но двадцать говорящих ртов? Это ценные данные.

В нос мне ударяет едкий запах – запах мочи, исходящий из моего собственного строя. Для них я, должно быть, ка-

жусь прагматичной, бессердечной, жестокой. Если бы только я могла сообщить им, что у нас есть три шанса из четырех, что Миазма сохранит им жизнь; у нее слабость к талантам, независимо от их происхождения.

– Лагерь, полный предателей. – Миазма потирает руки. – Ох, Жэнь. Это разобьет ей сердце, если она узнает. Так что лошади...

– Умрут к рассвету, – уверяю я ее.

– Превосходно. – Но я все еще не втерлась в ее доверие. Не полностью. По большому счету мертвые лошади и жертвенные войска могут быть просто стратегией, которой я умело распоряжаюсь. Мне нужно продемонстрировать Миазме, что мне есть что терять. Показать ей, что я нажила врага в своем предыдущем лагере.

Земля, наконец, начинает дрожать.

Вовремя.

Ну же. Мои пальцы сжимаются вокруг ручки веера. Я заставила проглотить наживку, я посеяла недоверие, но то, что происходит дальше, находится вне моего контроля. *Ну же.*

Я знаю, что ты можешь ехать быстрее.

Два генерала Миазмы, Коготь и Гадюка, мгновенно появляются рядом со своей леди, обнажая свои мечи. Остальные войска Миазмы выстраиваются вокруг нас. Темноту разрезает резкий вскрик. К нашим ногам, сквозь листья папоротника, тянутся туманные призраки. Миазма выглядит бледной. Поговаривают, что председательница Совета Министров ве-

рит в призраков. Я полагаю, это вполне естественно; призраки и боги – это в принципе одно и то же.

Но ни один призрак не смог бы прорваться сквозь папоротник и солдат так, как это делает Облако.

Она – буйство синего плаща и бронзовых доспехов на исполинской кобыле, ее глефа высоко поднимается над головой, прежде чем опуститься. Вот уже острый наконечник погружается в грудь одного из приспешников Миазмы, в то время как копье врезается в голову в шлеме. Бронза и кость уступают, и теперь моя очередь бледнеть, когда я вспоминаю воинов из моего кошмара. Но все это – часть моего плана.

И Облако тоже, даже если она не в курсе.

Ее рыжеватые глаза обводят поляну, замечая моих солдат, солдат Миазмы, саму Миазму, прежде чем, наконец, остановиться на мне.

Я вижу точный момент, когда она собирает воедино кусочки моего дезертирства.

К тому времени, как Лотос справляется со своим кляпом и кричит *предатель*, Облако уже прорвалась через целую линию пехоты Миазмы. Ее серповидный клинок смазан их кровью, когда она опускается на одно колено. По ее сигналу летят стрелы, пролетающие над ее головой. Одна попадает Леопарду в глаз. Еще одна царапает мое плечо. Я шиплю, зажимая кровоточащую рану, когда войска Миазмы открывают ответный огонь.

Лучники Облако падают со своих скакунов, как сливы с

дерева.

Но Облако – она вращает свою глефу, пока та не превращается в размытое пятно, в пасть клинка, который пожирает все на своем пути – пути, ведущем ко мне. Ко мне, обманщице. Предательнице. Той, кто насмеялся над Облако за то, что она отпустила Миазму, прямо перед тем, как самой поехать давать ей клятву.

Конечно, она никогда не доберется до меня. В одиночку Облако вполне могла бы убить тридцать приспешников, но не сотни. Пехотинцы окружают ее, их пики заострены, как кольцо зубов. Более слабый воин запаниковал бы.

Глаза Облако по-прежнему прикованы ко мне.

– Хочешь, чтобы мы позаботились о ней? – спрашивает Гадюка.

Миазма не отвечает. Она смотрит на Облако с каким-то стеклянным упоением.

– Вы только взгляните на это чудо. – Она говорит это так тихо, что я задаюсь вопросом, слышит ли вообще Гадюка.

– Моя леди?

С разбега она вскакивает на жеребца, вдвое выше ее ростом.

– Отпусти ее живой.

– Но Премьер-министр...

– Отдай лошадь.

Голос Облако, а не Миазмы.

– Лошадь, – повторяет та, пока мы смотрим на нее. – Жем-

чужина.

Жемчужина ржет, услышав свое имя. Я прихожу в себя и смотрю на Миазму.

Председательница Совета Министров машет рукой.

– Согласна. Гадюка.

Гадюка подводит Жемчужину к Облако. Облако берет узду.

Я выдыхаю. Спасибо тебе, Турмалин, за то, что позволила мне зайти так далеко. И тебе, Облако. Спасибо тебе за то, что ты пыталась убить меня так... убедительно, и за то, что отведешь Жемчужину домой.

Позаботься о Жэнь, пока меня не будет.

– Мы действительно просто отпустим ее? – спрашивает Коготь, когда Облако снова садится на свою кобылу.

– Пока, Коготь. Только сейчас. В один прекрасный день она поймет, что ее таланты потрачены впустую на Милосердную Жэнь, точно так же, как это случилось с ней. – Миазма улыбается мне сверху вниз. Я крепче сжимаю рану от стрелы. Она убедила Миазму в моем дезертирстве, и теперь она оправдывает мою дрожь, когда Миазма говорит: – Добро пожаловать в империю, Восходящий Зефир. – Ее улыбка становится шире, превращаясь в зубастую, похожую на оскал черепа ухмылку. – Или, как я люблю говорить, добро пожаловать в Царство Чудес.

3. Царство чудес

Добро пожаловать в Царство Чудес.

На Север. В столицу. В Царство Чудес. Все это относится к империи императрицы. Только в царстве Миазма может провозгласить себя царицей, не отрекаясь от своей верности Синь Бао.

Она только что это сделала, коварная злодейка.

Мы в сотне с лишним *ли* езды от ближайшей военной базы империи, что дает Миазме достаточно времени, чтобы поиграть в хозяйку. Она поручила своему личному врачу осмотреть рану от стрелы в моей руке. А стоит ей заметить, что мне не удастся поладить с новой лошастью, она предлагает мне «самую нежную кобылу в империи».

И точно, кобыла ни разу не вздрогнула за всю дорогу, ни когда Лотос прогрызла кляп, чтобы прокричать «Предательница», ни когда она чуть не откусила палец Когтю, когда тот пытался снова заткнуть ей рот кляпом. Его удары сыплются градом. Я не пытаюсь абстрагироваться от этих звуков. Хлоп звенит, когда он ударяет ее кулаком по щеке, и я думаю, что это могла быть я. Хрусь раздается от костяшек его пальцев по ее носу, и я представляю, что это мог бы быть весь Хэ-вань. Я – единственное, что стоит между городом и мощной пятитысячной армией Миазмы.

Лучше начать льстить прямо сейчас.

– Миледи Миазма так великодушна, если верить слухам, – говорю я, когда мы переплываем небольшой ручей и направляемся в очередную рошу.

– Зови меня Ми-Ми, – говорит Миазма. – В отличие от Милосердной Жэнь, я соответствую своей репутации. Так ведь, Ворон?

Сначала кажется, что она разговаривает сама с собой; вокруг нас нет никого, кто мог бы быть «Вороном». Но затем из мрачной темноты доносится нечленораздельное бормотание.

– Ворон, это Зефир. Зефир, это Ворон, – Миазма представляет всадника справа от нее. Он похож на бесформенную и безликую тучу из черного плаща с перьями, которую венчает коническая шляпа из желтой соломы.

– Ворон – один из моих стратегов, – говорит Миазма, в то время как он заходится в приступе кашля с мокротой. Я задерживаю дыхание. – Он покажет тебе, как тут все устроено в лагере. Возможно, ты даже кое-чему научишься у нашего стреляного воробья.

– Жду с нетерпением, – нагло вру я сквозь зубы.

Проходит достаточно времени, когда Ворон перестает кашлять, чтобы тут же начать кряхтеть. Я вздыхаю с облегчением, когда он отстает от нас.

Мы достигаем вершин череды холмов, каждый из которых больше предыдущего. Я хватаюсь за рожок седла, когда мы поднимаемся по самому отвесному склону. В груди начинает

першить, а затем и вовсе перехватывает дыхание.

Под нами разворачивается одна из многочисленных военных баз империи, огромная, как город; ее сетчатый узор светится, как будто был отпечатан на синем пейзаже раскаленным железом.

Я знала, что Миазма пользуется финансовой поддержкой империи, но мое сердце все равно сжимается, когда мы проезжаем мимо обнесенных частоколом ворот в этот милитаристский рай. Жеребцы практически сияют. Солдаты выглядят сильнее, старше, их кормят явно лучше, чем солдат Жэнь. Сам воздух полон жизни: молоты звенят о наковальни, генералы раздают приказы, а толпа солдат кричит вокруг борцовской ямы. Когда мы проезжаем мимо засыпанной песком арены, победитель поднимает кулак. Я не придаю большого значения этому жесту, но, когда Миазма замедляет ход своей лошади и поворачивает назад, снова смотрю и вижу что-то темное в его сжатой руке. Это клочок человеческих волос и скальп.

Мое горло обжигает желчь.

Миазма тем временем занята тем, что ощупывает его потную руку, как будто она покупает кабана в мясной лавке.

– Я вижу, ты неплохо окреп. – Она похлопывает его по бицепсу. – Продолжай в том же духе.

– Да, моя леди!

– Сюда, – отдает приказ Миазма, когда солдаты, с которыми мы ехали, расходятся и направляются по разным тро-

пинкам к своим казармам, оставляя нас с Когтем, Гадюкой и Вороном. Мы проходим мимо холщовых палаток к миниатюрным шатрам, украшенным лаком и позолотой. Стражники в красно-коралловых пластинчатых кольчугах с ламинарным свечением вытягиваются по стойке «смирно», когда мы проезжаем сквозь их ряды, и худощавый, как тростник, евнух, с изящно брошенной на плечо тканью имперского алого цвета, снует вдоль Миазмы, объявляя на ходу:

– Премьер-министр Империи Синь, главнокомандующая армиями Синь, посланная небесами защитница императрицы Синь Бао...

– Хватит уже, – говорит Миазма. – Разве ты не видишь, что у нас гость?

Если бы только у меня были мои белые одежды или евнух, который трубил обо всех моих прозвищах. Вместо этого я погрязла в бежевом цвете и Лотос в качестве оповещателя, только что перегрызшей свой третий кляп.

– *Предательница!* – Может быть, это ветер, но, клянусь, я чувствую взрывную волну ее слов. – *Предательница!*

– Заставьте ее замолчать и держите с животными, – проносит Миазма.

Солдаты бросаются выполнять приказ.

– Ты предательница! – надрывает горло Лотос, когда они утаскивают ее. – Ты подлая, мерзкая предательница! Жэнь никогда не следовало доверять тебе! Я надеюсь, что ты подавишься рыбьей костью и умрешь!

Придумала бы что-то поинтереснее. Лотос, Облако и все остальные крестьяне могут ненавидеть меня, мне плевать. Жэнь тоже; стратег, которого презирают, — это стратег, делающий что-то правильно.

Но, даже когда я говорю это себе, мысль о негодовании Жэнь лишает меня сил, и стоит нам выйти к самому большому из шатров, моя лишенная энтузиазма попытка спешиться заканчивается тем, что плащ запутывается в петле седла.

Чья-то рука сжимается вокруг моей руки прежде, чем я успеваю свалиться и поднять столб пыли. Мой взгляд устремляется к лицу спасителя. Или туда, где должно быть его лицо.

Все еще заслоненный своей конической шляпой, Ворон заходится очередным приступом кашля. Я высвобождаюсь, по коже бегут мурашки, и отступаю в сторону, чтобы дать ему пройти первым, прежде чем незаметно отряхнуть свой рукав.

Мы поднимаемся по лестнице, покрытой лаком до блеска, переступаем через позолоченный порог, проходим сквозь черные бархатные портьеры, пропитанные благовониями, и попадаем в шатер, который почему-то оказывается больше, чем выглядел снаружи. Слуги скользят вокруг с кувшинами вина на подставках, их количество отражается и умножается на полированных бронзовых перегородках. Со стропил свисают пурпурные шелка, украшенные эмблемой феникса Империи Синь, а на подсвечниках, стоящих на золотых блюдах,

скапливается красный воск.

Крестьянина можно ослепить этой роскошью, но мой взгляд устремлен на группу генералов, советников и стратегов. Они столпились вокруг большого стола, на котором разложена карта империи. Несколько лет назад карта была бы намного более пестрой благодаря инакомыслящим военачальникам, особенно на Севере. Сейчас я различаю только четыре размашистых пятна: серо-зеленые чернила для субтропических озерных долин Южных земель; бронзовые чернила для Западных земель, пшеничные для континента и цитадели рода Синь; таниновый цвет для Болот, втиснутых между Югом и Западом; и серые чернила для аридного, гористого Севера, где находится столица империи и колыбель многих рек, изображенных в виде линий цвета воронова крыла, которые стремятся вниз, на юг, прежде чем впасть в Море Трехного Ворона.

Когда я подхожу ближе, то определяю точное местоположение нашей нынешней военной базы по флагу, развевающемуся над тройной точкой пересечения Северного, Южного и Западного регионов. Она окружена крошечными глиняными солдатиками, такими, какие любила моя сестра, но мы никогда не могли их себе позволить. Эти выглядят более затейливыми. Ручная работа. Но сейчас это не предметы искусства, а просто отображение численности войск. *Расходный материал*, сказала бы Жэнь, *простые люди, которые умирают, когда империя вступает в войну.*

Я отвлекаюсь от мыслей о Жэнь, когда во главе стола раздается голос.

— Южные земли могут казаться мощными, — объясняет говорящий средних лет. — Но наши источники сообщают, что они изобилуют внутренними распрями. Я предлагаю позволить им разорвать себя на части, и так мы покончим с Синь Жэнь сегодня же!

Нет, если я смогу это предотвратить. Когда слова говорящего встречают гулкие крики одобрения, я протискиваюсь сквозь край толпы и поднимаюсь на цыпочки, чтобы лучше рассмотреть карту.

В Южных землях также стоят ряды глиняных солдат. Меньше, чем на Севере, но достаточно, чтобы окутать всю речную долину. Их недавно коронованная леди, Цикада, представлена нефритовой цикадой — не очень оригинально, — а их новый стратег, таинственная фигура, известная под прозвищем Ноябрь, стоит рядом с цикадой в виде статуэтки из слоновой кости.

— Они не будут осознавать, что их ждет, пока их прах не развеется по ветру! — выкрикивает генерал справа от меня, осыпая Жэнь рядом оскорблений.

Мой глаз дергается. Затем карта ведет к тому месту, где находится Хэвань.

Ничего. Ни глиняных солдат, ни Жэнь, ни тем более фигурки для меня, ее стратега. Нет даже пренебрежительного «Милосердная Жэнь» в качестве владельца места на карте,

которая крайне пуста по сравнению с Западными землями, управляемыми дядей Жэнь, Синь Гуном. Бесхребетный червяк. Он игнорировал Жэнь – и мои письма с просьбой о поддержке – вероятно, потому, что слишком боится встать на нашу сторону против Миазмы. Я сомневаюсь, что империя беспокоится о его выходе из союза, но, по крайней мере, он представлен на карте.

С другой стороны, мы даже не существуем. Мы похожи на всех местных военачальников, на подавлении которых Миазма построила карьеру. Совсем недавно это был Сюань Цао. Но, в отличие от Сюань Цао, мы все еще здесь. У нас есть я. Я обеспечу нам союзников. Цикада Южных земель не питает большой любви к империи. Если бы я только смогла убедить ее, что Миазма – наш общий враг...

...Сразу после того, как мне удастся убедить Миазму в том, что ее главный враг – Цикада, а не Жэнь.

Все еще звучат бурные овации, когда я произношу:

– Ты ошибаешься. – За столом умолкают голоса, начиная с тех, что ближе всего ко мне. Головы поворачиваются в мою сторону, открывая вид на говорящего во главе.

Слива, старший советник империи. Ее дед служил двенадцатой императрице Синь Дяо, ее мать служила Синь Чан. Ее предки, должно быть, переворачиваются в могилах от осознания того, что Слива посвятила себя не Синь Бао, дочери Синь Чан, а Миазме. Когда-то она сама была молодым талантом; сейчас Сливе под тридцать. Винного цвета одея-

ние ниспадает по ее чуть сутулой фигуре. На подбородке у нее родимое пятно, похожее на синяк. При виде меня ее лицо приобретает кислое выражение.

– Это не место для детей, – рывкает она, когда я прохожу мимо.

Старше не всегда означает умнее, о чем свидетельствуют названные сестры Жэнь.

– Цикаде Южных земель, возможно, не хватает опыта, – говорю я, подходя к столу. – Но она не так слаба, как ты думаешь. Она и ее новый стратег, Ноябрь...

– Фарс! – кричит генерал справа от Сливы.

– ...сокрушили пиратов Фэн, – заканчиваю я.

– Пиратов? – фыркает кто-то. – Скажи лучше дегенератов!

Дегенераты, которые годами совершали набеги и грабили Южные болота и водные пути. Они убили Сверчка, наследницу Южных земель, воительницу, которую уважали за ее мозги и мускулы. Теперь ее младшей сестре Цикаде удалось разгромить Фэн, сжечь корабли и убить их лидеров всего через несколько месяцев после ее вступления в должность. Она сделала то, что не смогла империя. Не думаю, что есть необходимость в том, чтобы вдаваться в подробности.

Я постукиваю веером по зеленой секции карты.

– Южные земли используют мирное время для накопления излишков и укрепления своей мощи. Империя окажет Цикаде услугу, отправившись за легкой добычей.

– Да кем же ты себя возомнила? – щелкает зубами Слива.
– Моим новоиспеченным талантом.

Гул стихает, когда над толпой разносится голос Миазмы вместе со звоном колокольчика у ее уха.

– Слива, пожалуйста, поприветствуй Восходящий Зефир. Ты должна проявлять к ней такое же уважение, какое проявляешь ко мне.

– Пожалуйста. – Я вытягиваю руки в разные стороны и делаю поклон. – Это честь для меня.

Слива ничего не говорит. Когда я выпрямляюсь, ее щеки темнеют, родимое пятно налилось кровью.

– Ты человек Жэнь.

– И тем самым также знаток положения дел у Жэнь. – Я оставляю Сливу, шипящую от возмущения, и поворачиваюсь к своей публике. – Синь Жэнь слаба. Ей понадобятся годы, чтобы создать свою базу. Но на Юге есть армии и серебро. Их ряды стратегов и генералов растут с каждым днем. Дайте им месяц, и они будут представлять более серьезную угрозу, чем когда-либо исходила от Жэнь.

– Так что бы ты сделала? – спрашивает советник.

Я? Я пытаюсь подстрелить двух фазанов одной стрелой. Если я смогу отвлечь войска Миазмы от Жэнь и обеспечить себе переправу на лодке до Цикады, тогда я буду соответствовать каждому из своих прозвищ.

Потянувшись через карту, я поднимаю глиняного солдата и ставлю его на место слияния Слюдяной и Гипсовой

Рек.

– Разве не очевидно? Перенести войну в Южные земли. Хотя Юг и близко не так слаб, как Жэнь, победа над пиратами Фэн им слишком дорого обошлась. И, как сказала Старший Советник Слива, при дворе Цикады не обошлось без междоусобиц. Ей еще предстоит заручиться поддержкой своих притязаний на суверенитет. Империя тем временем находится на пике своей мощи, и наша Премьер-министр предусмотрительно расширила морской флот. – Я беру горсть маленьких кораблей и толкаю их вниз по чернильной линии реки Сымин. – Плывите к утесу и привезите могущество империи к Южному порогу. Заставьте их поклясться в верности и отдать дань Императрице Синь Бао. Если они откажутся... – Я взмахиваю веером над столом, опрокидывая Южную флотилию и солдат. – Вы окажетесь в идеальном положении, чтобы преподать им урок.

Я поднимаю взгляд на каменные, обветренные лица свиты Миазмы. Однажды они вспомнят этот момент и поймут, что наше возрождение началось прямо у них под носом. Однажды звук моего имени будет преследовать их. Однажды...

Миазма приближается ко мне. *Она знает. Не может быть. Она знает, что всем, чем ты рисковала, ты рисковала ради своей единственной истинной леди, Жэнь.*

Она останавливается на расстоянии вытянутой руки от меня, и я напоминаю себе, что я не беспомощна. Не слаба. Ее рука движется...

Останется ли на лезвии кровь?

...чтобы жестом подозвать служанку.

Девушка в красном цвете империи скользит к ней с подносом, полным кубков на треногах. Миазма берет кубок и поднимает его вверх.

– За Восходящий Зефир.

Генералы спешат последовать ее примеру, произнося тосты в мою честь.

– За Восходящий Зефир!

– За Восходящий Зефир!

– За Восходящий Зефир!

Миазма приказывает своим генералам позаботиться об обеспечении перемещения миссии на юг. Это мой звездный час; я должна выступить добровольцем. Вместо этого я извиняюсь и ухожу, ссылаясь на усталость. Я плыву по темным коридорам, обрамляющим шатер, цепляясь на ходу за позолоченные колоннады.

Почему у меня так кружится голова? Мне нечего бояться. Я одурачила Миазму, Премьер-министра империи.

Я ввела в заблуждение комнату, полную воинов.

Я подхожу к концу коридора и оказываюсь под открытым небом. В ночном небе сияет луна, и я отмечаю ее фазу. Меньше чем через месяц я вернусь к Жэнь герою. У Лотос не будет другого выбора, кроме как называть меня моим настоящим прозвищем. Облако извинится за то, что пыталась застрелить меня. Жэнь заработает отметку на этой карте, и я

буду рядом с ней, как ее стратег.

За Восходящий Зефир.

Из уст врага это звучит еще слаще. Я смеюсь, сначала неуверенно, потом более непринужденно. Мой веер поднимается ко рту, скрывая мою улыбку. Я успокаиваюсь и начинаю поворачиваться...

Чья-то рука сжимает мое предплечье.

– Я знаю, что ты планируешь.

4. Глиссандо

Я знаю, что ты планируешь.

Нападающий разворачивает меня. Лезвие лунного света разрезает воздух между нами, освещая нижнюю половину его лица. Его рот кривится в ухмылке, когда я поднимаю свой веер.

– Славное оружие.

– Спорим, тебя никогда не шлепали веером. – *Не паникуй.* Я молчу о том, что у меня на самом деле есть оружие. Я была не в восторге от идеи испортить свой аксессуар, но Жэнь настояла на этом. Теперь, как бы полоснуть его, не угробив мои одежды...

– Ты хотела сказать «не пронзали веером насквозь»? – Одним движением он хватается за другое запястье, прижимает его к колоннаде над моей головой и откидывает бамбуковую ручку моего веера. В уголке моего правого глаза злое сверкает лезвие острого серебряного складного ножа.

– Не волнуйся, – говорит он, пока я сопротивляюсь, пытаюсь вырваться. – Я хочу, чтобы ты излила на меня свои тайны, а не кровь.

– Какие тайны? – Должно быть, он следил за мной. Вопрос в том, как долго.

Я шурю, всматриваясь в его лицо в поисках ответов. Он делает мне одолжение, подставив лицо лунному свету. Сухо-

парый, на грани истощения, как будто его морили голодом, украшен парой острых скул и глазами с тяжелыми веками. Цвет его кожи даже какой-то более анемичный, чем у меня, а его бледные виски поразительно контрастируют с длинными, черными, как вороново крыло, волосами. Часть их собрана в хвост, а оставшиеся пряди свободно свисают вниз. Пряди щекочут мне лицо, когда он прижимается губами к моему уху.

– Может быть, для начала обсудим настоящую причину твоего появления здесь?

Он отступает назад, выпадая из лунного света. Тень снова вуалью закрывает его лицо, и я костенею. Что-то в нем кажется знакомым. Он молод, как и я, что должно выделять его на фоне всех этих тучных взрослых, столпившихся вокруг стола с картами. Но я его не узнаю. Не помню, чтобы видела его в шатре. Как я могла его не заметить? Может ли он быть слугой?

Он одет не так, как слуга, и эта деталь становится очевидной, когда из-за угла появляется настоящая прислуга. Позолоченный поднос, балансирующий на ее руках, звенит, когда она останавливается как вкопанная. Она таращится, и я смотрю прямо через плечо моего захватчика. Я не знаю, как мы выглядим, но, судя по румянцу на лице прислуги, я сомневаюсь, что как-то приемлемо.

Так не пойдет. Я стала Восходящим Зефиром не для того, чтобы незнакомые парни могли расплющить меня о колон-

наду. Мой веер может быть и вне досягаемости, но его пах определенно нет. Мое колено уже на полпути к цели, когда к служанке возвращается голос. Он журчит, словно птичья трель.

– М-мастер Ворон, вам нужен врач?

«Мастера Ворона» внезапно одолевает приступ кашля. Он сгибается и падает – ни на кого другого, а на меня.

Меня сбрасывали с лошади. Я вляпывалась в бычье дерьмо. Меня скидывали с лошадей прямо в бычье дерьмо. Жизнь в бегах от Миазмы далеко не радужна. Но я никогда не терпела подобного унижения, как сейчас: превратиться в человеческую подушку. Мои щеки вспыхивают, и я пытаюсь оттолкнуть его от себя, но он слишком неподъемен для мешка с костями. Весь вес его тела придавливает меня, когда он хрипло произносит что-то вроде «хорошо» и «беги» служанке.

А она и рада повиноваться.

В тот момент, когда она поворачивает за угол, я высвобождаю запястье и хлестко бью его веером.

– Прошу прощения, – говорю я, когда он отшатывается, хватаясь за лицо. – Мышечные спазмы.

– Все в порядке. – Он похлопывает себя по щеке, морщится и опускает руку. – Мне тоже жаль. За то, что только что произошло. – Он показывает на свою грудь. – Спазм легких.

Он думает, что самый умный. Считает, что я не замечаю легкой усмешки в уголках его губ, исчезающей, когда он на-

клоняет голову и поправляет одежду.

Так вот почему я его не узнала. Без плаща и шляпы он не тот полуживой Ворон-переросток, которого я, как мне казалось, уже знаю. Во-первых, он намного моложе – ему не может быть больше моих восемнадцати – и, учитывая его проделки, намного здоровее.

– А Ми-Ми в курсе, что ты симулируешь свою болезнь? – спрашиваю я, когда он отдергивает свой воротник обратно на молочно-белую ключицу.

– Симулирую? – Его глаза невинно расширяются. – Хотел бы. Нет, все еще умираю от чахотки.

Я морщу нос. Другие могут подумать, что я ходячий стереотип стратега, с веером и все такое, но, по крайней мере, у меня не наблюдается чахотки или какой-либо другой болезни из-за переутомления.

– Ты должен быть в маске.

– Зачем? Мой кашель – мое секретное оружие. – Я начинаю осторожно отодвигаться; он блокирует путь к отступлению. – Но я пощажу тебя, если ты расскажешь мне, почему ты переметнулась на другую сторону.

– Потому что я верна империи. И всегда была.

– Даю тебе еще одну попытку. – Он делает шаг вперед и хватает меня за рукав. Его глаза сверкают, опасные. Радужки цвета оникса, но, когда лунный свет падает на них, я вижу сталь, холодную и жесткую.

Я тоже могу быть холоднее и жестче.

– Потому что я сыта по горло объедками с чужого стола. Жэнь никогда не даст мне величия, которого я заслуживаю.

Облако закрывает луну, и в коридоре темнеет.

– Давай проверим твои слова, – наконец произносит Ворон. Он отпускает мой рукав, и на какую-то немыслимую долю секунды я подумываю о том, чтобы броситься наутек. Но бежать некуда. За Вороном вражеская земля. Показать страх здесь – то же самое, что обнажить свое истинное лицо.

– Тогда испытай меня. – Я складываю руки на груди – и мое сердце чуть не выпрыгивает из груди, когда он кладет руку мне на поясницу.

– Расслабься, – говорит Ворон, и в его голосе звучит обида. – Я просто прокладываю нам путь.

– А я просто пытаюсь избежать заражения. После того, как я сожгу эти одежды, нужно принять горячую ванну.

– Если тебе от этого станет легче, врач говорит, что я не заразен.

– Пока что.

– Да. Похоже, что мое состояние ухудшается, как я заметил. Тебе повезло, что я такой оптимист.

Я подавляю желание парировать и позволяю ему вести меня по коридору. Мы проходим мимо чайных комнат и внутренних двориков. Я запоминаю все, что могу, на случай возможного побега.

Побег. Мое сердце замирает от внезапного мрачного предчувствия. Если я захочу сбежать, мне нужно держаться по-

дальше от людей, которые могут разгадать мои планы.

Таких как Ворон.

Он первый стратег, с которым я столкнулась лицом к лицу за последнее время. Настоящий противник. Кончики моих пальцев покалывает в предвосхищении его попыток испытать меня. Затем они расслабляются. Стратег или нет, но он с Севера. Если он хоть в чем-то похож на свою леди, то может опуститься до пыток. Скольких ногтей я могу лишиться, прежде чем вместе с кровью пролью свое признание?

Успокойся и перестань додумывать. Я дотрагиваюсь до своего веера, пока Ворон продолжает вести меня мимо решетчатых дверей в неосвещенную комнату.

Сначала она кажется пустой. Затем я вижу цитру, блеск ее семи шелковых струн, туго натянутых на продолговатом корпусе, изготовленном из древесины адамового дерева. Одна цитра – нет, две. Поднятые на столики и обращенные друг к другу, как два противоположных берега, а между ними озеро деревянного пола.

Я знаю, как Ворон планирует испытать меня.

Он пересекает комнату и садится за одну из цитр.

Через секунду я делаю то же самое.

– Что-то мне подсказывает, что ты умеешь играть? – спрашивает он, закатывая свои широкие рукава.

– Не сомневайся.

– Что-то не припомню, чтобы видел твою цитру по дороге сюда.

– Она сломана. – В прошлом месяце *и правда* лопнула струна. Тем не менее оставить ее было упущением, от которого я стараюсь отвлечься. – Жэнь так и не починила ее.

– А, – губы Ворона трогает легкая улыбка, – неудивительно, что ты переметнулась.

Безобидная шутка. Или же нет? Я ненавижу, что не могу рассказать, и ненавижу то, как дерзко это звучит, когда я говорю:

– Вообще-то я знаю, как играть. – Так поступил бы любой уважающий себя стратег. Благодаря дуэтам на цитре заключались перемирия, укреплялись союзы, решались исходы битв. Цзихуа, стратег Династии Ло, однажды сыграл на цитре, чтобы положить конец войне. Моя собственная цитра собирала пыль задолго до того, как порвалась струна. В лагере Жэнь не так уж много людей, которые разбираются в тонкостях музыки, а играть для такого воина, как Облако или Лотос, означало бы обесценить инструмент.

Ворон, однако...

Он знает, что музыка цитры – это язык, общий для стратегов. Он думает, что моя игра раскроет то, чего не слышно в словах.

Но меня не так-то легко расшифровать. Когда он начинает с обычной фразировки, я перехожу к делу и ударяю по струнам цитры, пробегая по ним пальцами. Диссонирующие ноты взмывают ввысь, как стая загнанных фазанов, а затем резко обрываются в мертвой тишине. Моя правая рука щип-

ками выводит быстрое стаккато, все быстрее и быстрее, пока каждая струна не начинает дрожать от звука и после. Но, прежде чем зазвучит мелодия, я обрываю ее.

Я наполняю музыку своим разочарованием. Лагерь Жэнь ограничен в ресурсах. Я выплескиваю опустошение. Лотос и Облако меня не уважают. Я вкладываю свою боль в крещендо. Мои усилия растрочены впустую, недооценены. Мелодия ускоряется. С помощью колкой и четкой, как лезвие, техники я вырезаю крылья для своих запертых в клетке эмоций. Я отрываю руки от струн и позволяю нотам взлететь.

Вот. Ворон хотел знать правду? Я воспроизвела все причины, по которым я мечтала бы быть на стороне Миазмы.

Тяжело дыша, я смотрю на него. В комнате темно, она едва освещена луной за круглым решетчатым окном. Я не вижу его лица и не могу прочесть его. Я слышу только его голос:

– Как странно.

– Что, прости? – Но как только слова слетают с моих губ, меня затопляет воспоминание, и в голове звучит другой голос: *Неправильно! Сыграй еще раз!*

Музыка прерывает воспоминания – музыка, создаваемая Вороном. Он склонился над своей цитрой, на его плечо упала прядь волос. Лунный свет поблескивает на костяшках пальцев, когда его руки кружат и кружат над струнами. Звуки обрушиваются, словно вода на камни.

Классическая горная мелодия, пусть и импровизированная. Крестьянская песня на самом деле. Я не знаю, что он

пытается сделать, но через некоторое время я забываю тот, другой, голос. Мои плечи опускаются. Мои рукава задираются до локтей, когда я поднимаю руки, дотрагиваясь кончиками пальцев до струн.

Я присоединяюсь к его импровизации.

На этот раз я не думаю о стратегиях, леди или империях. Как и не играю на своих эмоциях. Мои глаза закрываются, я пытаюсь вызвать образы тумана и мха. Наши песни отбрасывают все более широкую рябь, пока музыка не выходит за пределы этой комнаты и момента. Образы заполняют мой разум. Я с Ку; мы в толпе на рынке. Она останавливается у прилавка с сахарной ватой, я знаю, какую именно ей хочется. В приюте нам не дают денег. Когда торговец отвлекается, я краду самое бесформенное его творение, и Ку улыбается, и это того стоит. Того стоит...

Моя мелодия сталкивается с мелодией Ворона, он легко гармонирует с ней. Мое горло сжимается от этого простого шага, а затем у меня перехватывает дыхание. Ворон не стремился понять мои намерения; он стремился понять меня. Я вложила в музыку свое сердце, сердце, о котором не знает даже моя леди. Жэнь всегда видела во мне только тактика, стратега.

Она никогда не видела девушку, которая подвела свою сестру.

Аплодисменты заглушают музыку раньше, чем я успеваю остановить ее. Пламя вспыхивает в жаровнях, срывая по-

кров тьмы.

У входа в комнату стоит небольшая группа.

Ворон поднимается, чтобы поклониться им. Я не могу пошевелиться. Струны цитры впиваются в кончики моих пальцев. Миазма шагает вперед.

Я заставляю себя подняться на ноги.

– Восхитительно! – восклицает она, когда я кланяюсь, по ощущениям, мне словно заменили кости хрящами. – Какой артистизм! Какой вкус! – Ее приспешники вторят похвале. – Ты человек многих талантов, Восходящий Зефир. Скажи мне, где ты научилась играть?

– Яо Мэнци был ее наставником в течение нескольких лет, – опережает меня в ответе Ворон. Я смотрю, уставившись, на него, и он поднимает плечо, как бы говоря: *А чего ты ожидала?*

А чего я ожидала? Первый урок, который усваивает стратег, заключается в том, чтобы держать своих врагов близко, а нет большего врага, чем соперник. Поэтому мы запоминаем каждую их особенность, от их наставников до чая, который они предпочитают. Новички, такие как Ноябрь Цикады, опасны, поскольку их труднее считать. То же самое касается стратегов Миазмы, которых казнят так же часто, как и назначают на должность. По сравнению с тем, что я знаю о Сливе, самом долгоживущем советнике Миазмы, я почти не обладаю информацией о Вороне. Он либо новопосвященный, либо на редкость скрытный.

Я надеюсь, что первое, но подозреваю, что второе.

– В нашей жизни никогда не будет другого Яо Мэнци, – утверждает Миазма, и это, возможно, первое, в чем мы сходимся во мнении. Мастер Яо вряд ли был добр, как мой второй наставник (поэт), или изыскан, как мой третий (учитель по шахматам), или забавен, как мой последний (бывший имперский космолог). И все же, когда он играл на цитре, я могла простить его вспыльчивый нрав. Его музыка удерживала меня рядом с ним, когда его подкосило слабоумие. Он забыл Тридцать Шесть Стратagem, забыл мое имя, но он никогда не забывал свои аккорды. Мы провели много его последних вечеров на террасе, я отгоняла мух, пока он перебирал жемчужины среди песен на струнах цитры.

Но лицо мастера Яо начало исчезать из моей памяти, как и лица остальных моих наставников. Мы все настолько мимолетны. Мы живем и умираем; мы забываем, и нас тоже. Земля забирает наши тела, а нашими именами называют незнакомцев. Помнят только императриц – и тех, кто их убивает. Тех, кто разрушает империи или возвращает их законным правителям.

Жэнь – это мой путь к тому, чтобы остаться в памяти.

Эта мысль возвращает меня в настоящее.

– ...завтра в час *y*⁷, – говорит Миазма. – Зефир, ты соединишься к нам.

Я моргаю, и Миазма усмехается.

⁷ # wй (кит.) – цифра 5.

– Посмотрите на нее, – говорит она своему отряду. – Она думает, что я приглашаю ее в ад! – Мне же она говорит: – Гони прочь свои тревоги. Какими бы дикими ни были Южные земли, ты получишь только самое лучшее. Еда, развлечения – все, что ты пожелаешь во время путешествия, у тебя будет. Мое слово – кремень.

Приглашение. Путешествие. Южные земли.

Миазма зовет меня стать частью делегации на юг.

Это именно то, на что я надеялась, но мой взгляд мгновенно обращается к Ворону. Как бы это ни задевало мою гордость, не верю, что убедила его в том, что я на стороне Миазмы. Если я направляюсь на юг, будет ли он...

– Вы с Вороном вместе поплывете на джонке⁸, – говорит Миазма, сняв дальнейшие вопросы. – Вы двое будете представлять интересы империи при Южном Дворе.

Затем она жестом приглашает меня и только меня.

Осторожно я приближаюсь. Она кладет руку мне на плечо, как делала с борцом. К счастью, у меня нет мускулов, которые можно было бы сжать, и Миазма лишь легко похлопывает.

– Ты, вероятно, привыкла править балом в качестве единственного стратега, – говорит она, понизив голос. Она так близко, что я чувствую запах вина в ее дыхании, вижу дельту вен, бегущих под ее прозрачной кожей. Человек, я думаю.

⁸ *Джонка* – традиционное китайское парусное судно для плавания по рекам и вблизи морского побережья.

Не бог. Чтобы убить ее, не потребуется много усилий. Облако могла бы это сделать. Лотос тоже. Стратегам не положено марать руки, но могу ли я высмеивать Облако за то, что она отпустила Миазму из-за какого-то кодекса военной чести, если я сама придерживаюсь своего собственного?

– Но когда дело доходит до интересов империи, – продолжает Миазма, не замечая, как медленно опускается моя рука, – я хочу, чтобы ты подчинялась Ворону.

– Да, леди. – Мой мизинец задевает перья моего веера, и Миазма хмурится.

– Ми-Ми, – укоряет она, а затем отступает назад.

Такой шанс упущен. Я прячу свою влажную ладонь под локоть. Ворон подходит ко мне, и Миазма переводит взгляд с меня на него. Она улыбается.

– Вы двое, кажется, поладили. Только будь осторожна, – говорит она мне. – Мы бы не хотели, чтобы ты что-нибудь подхватила.

Я уже привлекла внимание Ворона, и мне не нужен врач, чтобы сказать, что без него мне было бы гораздо лучше. Когда мы покидаем комнату – а затем друг друга, – его слова эхом отдаются в моей голове.

Как странно.

Я останавливаюсь на полпути.

Неправильно! Сыграй еще раз! В памяти щелкает переключатель, и я вздрагиваю. Моя игра никогда не нравилась Мастеру Яо. Я всегда упускала в ней *что-то* за пределами

моего восприятия. Порванная струна, лагерь Жэнь – все это отговорки. По правде говоря, я перестала играть много лет назад. Горький привкус снова появляется у меня во рту, и я хмурюсь.

Все остальные навыки, приличествующие стратегу, я усовершенствовала. Я заслужила свое прозвище и веер.

Но цитра? По словам Яо Мэнци, я так и не овладела ею.

Возможно, какая-то часть меня нарочно оставила ее.

* * *

Лошади Жэнь уже мертвы к рассвету. Я узнаю об этом от служанок, которые приносят бронзовый умывальный таз после шестого удара гонга. Они не разговаривают со мной, пока я умываю лицо и ополаскиваю рот горячим чаем, и быстро уносят одежду для сна, даже ни разу не взглянув на меня. Но в тот момент, когда они оказываются за бумажной ширмой, их головы сближаются, а голоса звучат недостаточно тихо.

Они перешептываются обо мне, «стратегу из глуши», которая думает, что она лучше всех (они не ошибаются); о «Мастере Вороне», который поддался моим лисьим чарам (меня сейчас стошнит); но в основном – о полном и сокрушительном уничтожении кавалерии Жэнь. Эта новость облетела весь лагерь. В ту ночь пятьдесят жеребцов Жэнь неожиданно упали с пеной изо рта и умерли. А я, ее доверенный стратег, была тем, кто устроил это.

Идеально. Пока они обвиняют меня, значит, никто не поймал Турмалин на том, что она подмешала листья тиса в корм. Я завязываю свой конский хвост высоко и туго. Воины могут сражаться вместе, но стратеги работают в одиночку. Элемент неожиданности невозможно переоценить; планы должны храниться в секрете.

Они будут поклоняться мне, когда все будет сделано.

Звучит седьмой удар гонга, когда я надеваю свежие бежевые одежды. До отъезда нашей делегации остаются считанные часы. Я засовываю ноги в свои не самые чистые ботинки, открываю двери и замираю.

Сразу за порогом лежит сложенный комплект белой одежды. Ткань прохладная на ощупь. Шелк. Я бросаю взгляд вверх и вниз по коридору. Ни души. Его могли оставить горничные, но – снаружи? И почему белый?

Совпадения подобны божествам: каждый хочет в них верить. Но я не все.

Очень медленно я приподнимаю одежды.

Выпадает единственное перышко. Полуночно-черное. Ворона – или вороны.

Мое сердце бешено колотится, точно так же, как тогда, когда он прижал меня к колоннаде. Мое предплечье горит от воспоминания о его хватке; мое ухо покалывает от легкого призрачного следа его слов.

Я знаю, что ты планируешь.

Я бросаю одежды обратно на землю и переступаю через

них, направляясь к выходу.

Солнце еще не взошло, но большая часть лагеря Миазмы уже встала. Группы пехотинцев маршируют с командирами полков, в то время как слуги, носильщики и татуированные каторжники бегут на своих двоих, загружая сокровища и диковинки в фургоны, которые отправятся на юг вместе с нашей делегацией. Один каторжник роняет сундук, крышка с грохотом открывается, показывая море зеленого нефрита. Его надсмотрщик набрасывается на него с кнутом.

Опустив взгляд, я спешу в сторону бараков для заключенных. Миазма может осыпать Юг ценностями, но это далеко не подарки. *Узрите наше богатство*, хочет она сказать. *Что бы у вас ни было, по вашему мнению, у империи этого еще больше.* Она посылает сообщение, точно так же, как белые одежды были посланием от Ворона. Он будет следить за мной во время путешествия.

И сейчас он где-то тут, следит за мной.

Поэтому визит к Лотос сопряжен с риском. Но у меня нет выбора. Она названная сестра Жэнь. Если ее предоставить самой себе, она пропадет, как вчерашний прислужник. Когда я присаживаюсь на корточки за деревянными прутьями казармы, двадцать силачей, с которыми я отправилась в путь, заняты залечиванием синяков и рваных ран. Сама Лотос хранит в некотором отдалении от остальных. Когда один из пехотинцев Жэнь видит меня и начинает всхлипывать, желтые глаза Лотос распахиваются. Она смотрит на меня затуманен-

ным взглядом. Сон проходит.

Она бросается к решетке.

Я падаю на пятую точку, что вызывает насмешки охранников. Надсмотрщики свирепо смотрят на них, и они замолкают как раз вовремя, чтобы услышать рев Лотос.

– *Я сверну тебе шею!*

В других казармах военнопленные начинают шевелиться.

– Молчать! – приказывает один из охранников.

Лотос ревет еще громче.

Я подползаю к ней.

– Замолчи, – шиплю я чуть слышно. – *Я на твоей стороне.*

Снова рычание. – Лотос, послушай.

Я хватаюсь за решетку, и ее рот захлопывается – на моей левой руке. Ее клыки разрывают кожу. По моему запястью стекает горячая кровь.

Унижения, с которыми я смирилась.

– *Лотос.* – Я хватаюсь за другую перекладину здоровой рукой; должно быть, я в паре секунд от обморока. – *Я. На. Твоей. Стороне.*

Проходят две секунды. Мир начинает погружаться во тьму.

Наконец Лотос отпускает меня. Она выплевывает полный рот крови, давясь.

И поделом ей.

– Слушай внимательно. – Я могла бы заплакать, но у нас нет времени. – Борцовская яма – твой шанс. Миазма ценит

таланты. Тебя не отпустят, но, если покажешь себя в яме, твои условия здесь улучшатся, будешь купаться в наградах.

– Лотос не нуждается в подачках.

– Ты, может, и нет, но вот *они*, – мой взгляд скользит к остальным людям Жэнь, – да. Они не переживут допросов, если только ты не сможешь их защитить.

– Защитить их, – повторяет Лотос про себя.

Я киваю.

– Они твои новые подчиненные. Обучай их так, как будто от этого зависит твоя жизнь, потому что так и будет. А теперь сверни мне шею.

– Что?

– Давай же, быстро. – Я ковыляю, подходя ближе к решетке. – Ты сказала, что сделаешь это. – По меньшей мере десять раз, начиная со вчерашнего вечера. – Так сдержи свое слово.

После минутного колебания она обхватывает руками мою шею и *сжимает*, как фермер шею курицы для супа. Звук, который вырывается из моего рта, совершенно не похож на «Помогите», но собирает вокруг меня караульных. Они отрывают Лотос от меня. Я, пошатываясь, поднимаюсь на ноги и выхожу из казармы, давясь собственной слюной. Никто не заподозрит, что я навещала Лотос для ее же блага, после *такого* спектакля.

На этот раз тебе лучше последовать моим инструкциям, Лотос. Я не допущу, чтобы ее смерть омрачила мою стратегию. Я верну ее Жэнь, точно так же, как обеспечу этот

союз.

Позже, в повозке, направляющейся к реке Сымин, я провожу осмотр своей руки. Кровотечение остановилось, но кровь запеклась на рукаве, и Ворон прищуривается, когда встречает меня на берегу.

– Одежды пришлись тебе не по вкусу? – кричит он мне, когда я подхожу по трапу к нашей джонке. К берегу подъезжают другие экипажи, люди высыпают из них наружу. Генералы, советники, морские офицеры – почти все важные лица едут с нами на Юг, все, кроме Миазмы, которая последует за нами с другой половиной флота через три дня. Как только они поднимаются на борт, носильщики убирают трапы.

Начинается веселье. Нам с Вороном предстоит делить джонку в течение следующих двух недель.

Он следует за мной не отрываясь, пока я иду по палубе.

– Значит, я просчитался. Я думал, белый – твой любимый цвет.

Настойчивый, надо отдать ему должное.

– Они были грязными.

– Но не в крови.

Я продвигаюсь вперед. Мы даже не отплыли, а экипаж Северного корабля, мимо которого я прохожу, уже вызывает приступ тошноты.

Ворон, однако, шагает по палубе с уверенностью южанина. Он присоединяется ко мне на корме, лениво опираясь на локоть.

– Ты смертельно бледна, и у тебя часто одышка. Теперь ты являешься с кровью на рукаве. Возможно, у тебя тоже чахотка?

Он стал бы первым, кого бы я заразила, будь это правдой. Но он ничего от меня не получит. Ни чахотки, ни смеха, ни слов. Просто молчание, которое я стараюсь сделать как можно более сухим, – думаю я, глядя на туманную реку впереди нас.

– Ладно, – вздыхает он, плюхнувшись обоими локтями на лакированный борт сампана⁹ и скрестив запястья точно так же, как я. – Можешь и дальше молчать. Поскольку мы проведем обозримое будущее в компании друг друга, не могла бы ты хотя бы назвать мне свое имя?

С неба пикирует цапля и хватает когтями рыбу из воды. Я жду, пока хищник и жертва исчезнут в тумане, прежде чем ответить.

– Зефир.

– Твое настоящее имя.

– Это мое настоящее имя.

– Мне оно не нравится, – говорит Ворон.

Из его уст это звучит как от надувшего губки ребенка. Неприлично.

– Мне не нравится имя Ворон.

– Это подходящее прозвище. Признай это.

⁹ *Сампан* (санпан, чампан, сампон или сампань) – собирательное название для различного вида дощатых плоскодонных лодок.

– Подходит, потому что это такая же ложь, как и ты? – Я поворачиваюсь, и Ворон повторяет за мной, ставя нас лицом к лицу. Я тыкаю пальцем ему в грудь. – Когда не кашляешь, ты больше похож на павлина.

– Прямо как и ты. – Он ловит мое протянутое запястье. – Может, мне называть тебя Павлин?

Его хватка ни теплая, ни холодная. Просто приятно сухая и поддразнивающая, как и его манеры. Он не произносит нараспев *Павлин* так, как это сделала бы Лотос, и он не похож на Облако, которая вообще никак ко мне не обращается. Зачем это ей или любому воину? Я не могу бороться. Не умею пить. Мы на одной стороне, но не из одного теста.

Ворон – наоборот. Мы понимаем друг друга благодаря роду деятельности. Наше излюбленное оружие – это слова и остроумие. Я отравила лошадей Жэнь, сбежала к Миазме, сотворила стратегию для империи, но именно сейчас – обмениваясь шуточками с врагом так, как если бы он был другом, – я чувствую, что вляпалась по уши.

Я высвобождаю руку и демонстративно вытираю ее о плащ.

– Тебе вообще не нужно меня как-то называть.

Джонки отходят от причала. Южный ветер надувает паруса. Пока мы скользим по водному пути, вокруг меня толпятся слуги, предлагая экстракт женшенья и жемчужную эссенцию.

Я отмахиваюсь от них. Империя – мой враг. Ворон – мой

враг. Каждый солдат на этих кораблях, каждый корабль в этом флоте, каждая стрела, копье и пика в оружейных складах под палубами принесут смерть лагерю Жэнь, если представится такая возможность.

Что ж, я не дам им такого шанса.

* * *

Большую часть первой недели я провожу, исследуя солдат на борту. Некоторые из них – коренные северяне, но многие родом с гор за пределами севера. Третьи – военнопленные павших главнокомандующих, освободившиеся после соглашения сражаться за империю.

У них тоже есть вопросы ко мне. Некоторые хотят знать, действительно ли я предсказала наводнение, которое смыло пятую часть кавалерии Миазмы.

– Четвертую, – поправляю я. Другие спрашивают, могу ли я сочинить стихотворение за то время, которое требуется, чтобы пройти по палубе. Я сочиняю его за семь шагов. Ничто не выбивает меня из колеи, пока один корабельный матрос не останавливает меня по пути на нижнюю палубу на ужин.

– Ты и правда дезертировала от Жэнь?

Она молода, ее лицо полностью покрыто прыщами, а голос полон огня.

– Да, – говорю я, и в ее глазах вспыхивает презрение. Она думает, что я мерзавка, примкнувшая к Миазме.

Она так же наивна, как Лотос, Облако и все воины, которые не могут отличить битву от войны.

Трюм переоборудован и выглядит как дворец. Миазма не лгала, когда говорила, что в этом путешествии у меня будет все, чего я только могу пожелать. Каждый день приносит новые блюда и развлечения. Генералы, которые наконец-то оправились от морской болезни, поднимают тосты друг за друга, чтобы напиться. Слуги чувствуют себя более непри-
нужденно в отсутствие Миазмы. Даже бледный, болезненный «Мастер Ворон» извлек выгоду из роскоши и веселья. Сегодня вечером он угождает просьбе морского офицера исполнить песню на цитре. Его привилегия. Лично *Я* бы не стала играть ради удовольствия других. Но я ловлю себя на том, что слушаю, как его мелодия проплывает сквозь хриплый смех. Чистая, как щебетание певчей птицы.

Невинная, как вопрос девушки.

Ты и правда дезертировала от Жэнь?

Я поднимаюсь из-за стола и ускользаю на один уровень выше – палубу.

Ночи становятся все более влажными – явный признак того, что мы приближаемся к месту назначения. Жара в моей каюте не дает мне уснуть даже после того, как я раздеваюсь до нижнего белья; и я лежу без сна, думая о Жэнь. Пока мы напиваемся и угощаемся уткой и охлажденными морскими гребешками, что ест она? Пока мы поем и танцуем, что делает она? Сжигает мертвых лошадей и смотрит на звезду Синь

Бао в небе? Облако наверняка доложила ей о каждом моем слове и действии. Верит ли она своей названной сестре? Верит ли она в то, что я предательница?

Она поверит, если я безошибочно проверну стратегему. Это все, чего я хочу. Все, что меня волнует.

Я переворачиваюсь на спину. Дощатый потолок над моей головой дрожит от кутежа наверху. Я не должна думать о Жэнь. Я закрываю глаза – и вижу ее. Свою сестру. Она в этом убогом фиолетовом жилете. В том, что когда-то был моим. Я выросла из него. Той зимой, после эпидемии брюшного тифа, он лежал в мусорной куче приюта вместе со всей нашей одеждой. К тому времени, когда я поймала Ку в обнимку с этим жилетом спустя целый сезон, не было никакого смысла впадать в ярость. Она осталась невредимой. В безопасности.

На ней был этот жилет в тот день, когда воины разграбили город, вызвав волну бегства мирных граждан, которая в конечном счете увлекла за собой и ее.

Родители, сестра, наставники – они первыми бросили меня. Но с Жэнь все иначе. Она не сестра ни по крови, ни по клятве, ни как-то иначе. Она моя леди, а я ее стратег. Я служу ей ради личной славы.

Я не потеряю ее.

Музыка наконец умолкает. Слышится шум и гам приближающихся слуг, затем я слышу людей, нетвердой походкой расходящихся по своим кроватям.

Я поднимаюсь со своей.

Я крадусь из каюты и направляюсь в опустевший камбуз. Я сажусь за одну из цитр и играю, мои пальцы скользят вверх и вниз по струнам в глиссандо, с легкостью импровизируя. От мажора к минору, от минора к мажору. Подобно человеческому голосу, смеющемуся и плачущему одновременно.

Я снова слышу Мастера Яо.

Глупая девчонка! Соединись с музыкой! С помощью ци!
Ци, из которой построена вселенная. Она придает энергию всему, включая музыку, если верить древним философам. Я не знаю. Я никогда не чувствовала того, что должна была.

Неправильно! Сыграй еще раз! Ты совсем не понимаешь!

Я играю громче, изгоняя из своей головы этот голос.

В камбуз входит кто-то еще, садится за другую цитру и тоже играет.

Я узнаю, кто это, лишь по музыке. Он отметит себе, что я не сплю в этот час. Он может даже догадаться о моих беспокойных мыслях и сообщить обо мне Миазме.

Уходи, пока он не прочувствовал твои слабые места.

Но его музыка удерживает меня на месте. Ворон может не доверять мне, но он также и не заблуждается во мне. Мы не разговаривали с того первого дня на палубе, и это не имеет значения.

Мы говорим сейчас.

Горны возвещают о нашем прибытии, когда мы плывем среди цветов лотоса. Корабельные матросы сбрасывают якоря; флот империи образует красную, блестящую, словно лакированную, полосу на речном пути.

В доках нас встречает кучка южных придворных, чтобы сопроводить в Шатер Найтингейла, где устраивает прием при дворе Цикада. Мирное население выстраивается вдоль белых известняковых улиц, мимо которых мы проезжаем. Дети, которые не знают ничего лучшего, визжат от восторга. Взрослые выглядят мрачнее, их глаза прикованы к флагам империи, которые мы несем.

Нас ведут по мосту, через сад и во двор. Евнух объявляет о нас, когда мы идем по центральной аллее; вокруг пестрят поля из советников, сидящих на подушках слева и справа.

В то время как лагерь Миазмы наполнен как молодежью, так и стариками, двор Цикады в основном состоит из стариков. Все они с седыми бакенбардами и препираются друг с другом, останавливаясь только для того, чтобы отметить наше присутствие, прежде чем продолжить. Атмосфера удушающая, и я не виню Цикаду, когда она не появляется. Ворон кашляет и пожимает плечами, когда я пристально смотрю на него. *Я ничего не могу с этим поделать*, говорят его глаза. *Я болен*. Затем он кашляет еще. Ближайшие к нам южные

придворные отодвигаются в сторону.

Наконец появляется сама леди. Она одета в белое, но, в отличие от одеяний, которые я предпочитаю, ее одежда сшита грубо. Траурная одежда. И без того запачканный подол собирает грязь по полу; она плюхается на свое возвышение во главе комнаты, откупоривает кувшин с вином и делает большой глоток.

Вот тебе и траур.

– Ну? – спрашивает она, вытирая рот тыльной стороной ладони.

Я жду, что Ворон что-нибудь скажет, но на этот раз он молчит. Слишком напуган, чтобы сделать первый шаг? Или он хочет поставить меня в неловкое положение?

Что бы это ни было, я все равно произвожу лучшее первое впечатление.

– Леди Южных земель, – приветствую я, кланяясь.

– Царица, – поправляет она.

Ее советники морщатся. Присвоение титула самому себе без одобрения империи – это измена.

– Ну, и чего теперь хочет Миазма? – спрашивает Цикада, как будто *мы* здесь, чтобы отдать дань уважения. – Пожертвования зерна? Или Премьер-министр желает построить еще один дворец и испытывает недостаток в железной руде? Подарки оставьте себе, – говорит она, когда наши носильщики вносят сундуки с нефритом. – Все мы знаем, кто на самом деле в них нуждается.

Советники, кажется, зеленеют.

Я и сама чувствую себя не очень хорошо. Слишком жарко, слишком влажно – как Ворон не тает под своим пернатым плащом, выше моего понимания, – а Цикада... поразительна. Я читала много отчетов о шестнадцатилетней царице, которая выросла в тени своей старшей сестры, и все они характеризовали ее как образованную, но сдержанную.

Но я и раньше имела дело с трудными людьми. Мои губы приоткрываются – и застывают, когда из-за одного из балдахин, занавешивающих помост, выходит человек. Она забирается на подлокотник кресла Цикады и засовывает в рот леденец с коричневым сахаром, а я могу думать только о том, что, должно быть, повредила голову, упав с лошади во время эвакуации.

Потому что это моя сестра, которую я в последний раз видела в ноябре шесть лет назад.

5. Первое ноября

Пань Ку, которую я в последний раз видела в ноябре шесть лет назад.

Первые несколько недель после того, как потеряла ее, я содрогалась от ужаса, представляя, что разыщу ее.

Я просто не могла себе представить, что может остаться от девушки, которая едва выжила под моим крылом.

Теперь, шесть лет спустя, она стоит передо мной во плоти. Она выше, чем я помню, но с теми же неровно подстриженными волосами и широко посаженными глазами.

Ку. Комната заполнена советниками и придворными, ожидающими меня, но я не могу дышать, не говоря уже о том, чтобы говорить. *Ку, это правда ты?*

Я жду, когда она поднимет глаза. Когда заметит меня. Не будет иметь значения, что мы находимся в центре иностранного двора, в нескольких тысячах *ли* от хаоса, который разлучил нас. Мы сестры по крови. Она узнает меня так же, как я узнала ее. Я расскажу ей, как искала ее, как месяцами путешествовала из города в город, не имея ничего, кроме оловянной цепочки и молебных четок нашей матери. Я продала эту цепочку. Я заложила бусы. Я искала, пока у меня не закончились деньги и идеи, а мое тело стало невероятно усталым и тяжелым.

Прости, что прекратила поиски слишком рано.

Но какая же я глупая. Потому что, когда Ку наконец поднимает взгляд, он задерживается на Вороне, а затем останавливается на мне. Узнавание, такое слабое, что я почти не замечаю его, мелькает в ее глазах, прежде чем их заполняет ненависть.

Так и было большую часть нашей жизни.

Советники начинают бормотать. Цикада зевает. Перышко на тыльной стороне моей ладони – это Ворон, шагнувший вперед.

– От имени Премьер-министра, – говорит он, – наша делегация прибыла получить от вас клятву верности империи.

– Опять? – спрашивает Цикада.

– Леди Цикада, – начинает уса́тый советник, – если я могу...

– Ты можешь, – перебивает она, грызя ноготь. – Если ты будешь обращаться ко мне «Царица».

Советник бросает на меня быстрый взгляд, но мне все равно. Он мог бы назвать ее Царицей – Матерью Небес, а я бы осталась стоять неподвижная, как лед, и такая же хрупкая; все чувства покидают мое тело, когда я пристально смотрю на Ку, которая снова принялась сосать свою сахарную палочку.

Шесть лет, но ничего не изменилось. Время просто сделало меня сентиментальной. Забывчивой. У меня есть смутные воспоминания о том, как Ку улыбалась мне, держа мою руку в своей. Но самые яркие видения связаны с голодом, за

два года до того, как я потеряла ее. Нам было десять и семь лет. Половина сирот умерли от голода. А мы – нет. С тех пор Ку стала холодна ко мне, отказываясь от всего, к чему я прикасалась, даже от конфет, и убегая от меня. По сей день я не знаю почему.

Я не знаю, что случилось.

Кто-то прочищает горло, возвращая мои мысли обратно к происходящему.

– Ц-царица Цикада, – пищит советник, который говорил ранее. – Сам космос признает Синь Бао императрицей царства. Ее звезда становится ярче с каждым днем. Север – великий защитник, и без них...

– Ну, выкладывай уже, – говорит Цикада. – Ты веришь, что Миазма – это бог и она обрушится на нас, если мы не преклонимся.

– Моя леди...

– Синь Бао – марионетка. Мы победили пиратов Фэн и без помощи империи. – Цикада поднимает еще один кувшин вина, откупоривает его зубами, выплевывает пробку. Она опирается ногой о резной столик перед помостом. – Где была империя, когда Фэн разграбили наши житницы и расправились с людьми? Когда Король Пиратов убил Сверчка? Если ты думаешь, что Север – наш защитник, то ты еще больший маразматик, чем я полагала.

Советник падает на колени и припадает головой к земле еще до того, как Цикада закончит.

– Ее Благородие Императрица! Да здравствует Ее Высочество! Да здравствует Династия Синь! – Он ползает у меня под ногами. – Наша светлость все еще в трауре. Смерть старшей сестры повлияла на ее суждения. Простите ее дерзость. Сохраните ей жизнь.

Цикада фыркает. Но остальные члены ее двора следуют примеру старого советника, падая ниц в мольбе.

Только Ку сидит молча.

Сосредоточься. Ты здесь с миссией. Я отрываю взгляд от Ку и ищу что-нибудь еще, что-нибудь, что могло бы отвлечь меня. Мой взгляд падает на ступню Цикады.

Босую и прочно поставленную на стол, ногти подстрижены. Детали напоминают мне о моем обучении. Я пришла сюда как стратег Зефир, а не сирота Цилинь. Благодаря тому, что мне удалось проехать на корабле флота Миазмы, я в двух шагах от создания альянса Жэнь – Цикада. Это мой шанс.

И мне просто нужно им воспользоваться.

Так что я фокусирую внимание на этой ступне. Она чистая. Цикада, должно быть, сбросила туфли прямо перед выходом во двор. Когда она отрывает кувшин с вином от губ, на ее одежду падает капля. Но одежда остается чистой. Безусловно, это может быть белое вино, привезенное с Севера. Или же это вода, а румянец на ее щеках – просто румяна.

В свои шестнадцать лет Цикада на два года младше меня. Совсем малютка для этого двора. Она должна мудро из-

бирать и отстаивать свой выбор. Разыгрывая этот спектакль убитой горем, она заманивает своих неприятелей в западню. Прикинься Безумным, Сохраняя Рассудок, как мы, стратеги, это называем.

Она перестанет притворяться, как только я разберусь с ней.

Я делаю шаг вперед.

– Наверняка твои разведчики сообщили тебе, *Царица* Цикада, что, пока мы беседуем, по водному пути плывет флот империи из двухсот джонок.

Цикада отхлебывает из своего кувшина.

– И?

– Мы не просим твоей присяги на верность.

– Хорошо, потому что я не даю ее.

Ее советники гневно протестуют.

– Тишина. – Цикада с грохотом ставит свой кувшин. – Почему я должна подчиняться, пока Синь Жэнь разгуливает на свободе? Ответь на мой вопрос, Зефир-Предатель. – Ее черные глаза прожигают меня. – Не думай, что я забыла, кому ты служила до Миазмы.

– Жэнь мало чем интересна, – говорю я. – Все, что у нее есть, – это ее фамилия и благородство.

– Синь. Имя и династия, которые скоро войдут в историю. – Советники в замешательстве. – Что касается благородства... – Цикада качает головой, а ее длинные волосы колышутся. – Что значит благородство для леди без земли? Спастись бегством из империи с оравой простолюдинов?

Противостоять имперской кавалерии с фермерами и крепостными?

– Благородство – это защита того, чьей потери ты не переживешь, – говорю я, встречаясь взглядом с Цикадой. – Это борьба за семью, которая не может тебе помочь.

Ты была для меня этой семьей, Ку. Она все еще поедает свою сахарную палочку, когда я поглядываю на нее. Я поворачиваюсь спиной к ней и Цикаде и иду по дорожке одна.

– Благородство Жэнь не для всех. И определенно не для меня. Империя простила мои прошлые прегрешения и сохранила мне жизнь. Преклони колено пред Синь Бао сейчас, и она пощадит и тебя тоже.

Каждый советник Юга принимает мою эстафету, озвучивая свои соображения по поводу причин, по которым Юг должен передать право суверенитета.

– Северяне беспощадны!

– Если до этого дойдет, они разожгут губительную войну на Юге.

– Подумайте обо всех сельскохозяйственных землях, которые будут уничтожены!

– Сельскохозяйственные земли? – выкрикивает советник в синем. Он качает головой и выходит из рядов, низко кланяясь Цикаде. – На карту поставлено больше, чем сельскохозяйственные земли, дитя. Северу не жалко своих солдат в авангарде, но Юг – другой. Мы – территория культуры. У нас достаточно денег и населения, чтобы выделить средства на

войну, но возможность не значит, что мы должны это делать. Жизни нашего народа более ценны, чем эта война.

Цикада ничего не говорит. Я дохожу до конца дорожки и, обернувшись, вижу, как она поднимается со своего места. Она спускается по ступенькам помоста, легкая и гибкая, словно лань.

Советник в синем следует за ней по пятам.

– Прислушайся к голосу разума, дитя.

Она пропускает его слова мимо ушей, шествуя к одному из стражников Юга, стоящих вдоль дорожки. Прежде чем кто-либо успевает пошевелиться, она обнажает клинок и рубит.

На секунду я оказываюсь на горной поляне, где Миазма размахивает саблей, и голова с глухим стуком падает вниз; краем глаза я улавливаю белый костяной отблеск. Я качаю головой. В центре внимания снова оказывается двор. Никто не повергнут; клинок не окровавлен. Брусок на земле – не чья-то голова. Всего-навсего срезанный уголок позолоченного стола.

Цикада возвращает саблю потрясенному стражнику.

– В следующий раз это будет твоя голова, – говорит она советнику, прежде чем обратиться к остальным. – Это будут ваши головы, если я услышу еще хоть слово о подчинении империи.

Никто не протестует.

Она поворачивается к Ворону и ко мне.

– Убирайтесь с моего двора. – Она произносит это спокойно, но ее тон противоречит ее следующим словам, означающим объявление войны. – Передайте этому своему богу, что Юг готов.

С этими словами она проходит мимо помоста к лакированной ширме. Ку соскакивает со своей жердочки. Цикада берет ее за руку, а я сжимаю кулак, когда они исчезают за фасадом из шелка и дерева.

Цикада поддалась на мою провокацию. Каждое ее слово и действие способствовали достижению моих целей. Но я не могу насладиться тем, чего достигла. Я победила как стратег.

Я проиграла как сестра.

* * *

– Все прошло хорошо, – говорит Ворон, когда мы возвращаемся на нашу джонку.

При обычных обстоятельствах мы бы остановились в Шатре Найтингейла. Но объявление войны в лицо потребовало изменения места проживания. Пока я расхаживаю взад и вперед по палубе, глаза Ворона следят за мной. Знает ли он, что я провоцировала Цикаду? Разгадал ли он мой замысел организации альянса Жэнь – Цикада против Миазмы?

В любом случае это не имеет значения; у Ворона нет никаких доказательств, кроме того, что я сказала, а то, что я сказала, соответствует всему, что я *говорила* с тех пор, как моя

голова склонилась перед Миазмой на горной поляне. Ему пока нечего сообщить обо мне. Несмотря на мою игру, я веду ее осторожно.

Я так больше не могу. Провокация заставила Цикаду поднять восстание против империи, но не заставит ее объединиться с Жэнь. Я должна подкинуть ей эту идею, склонить ее к этому. Но я не могу осуществить ни того, ни другого, находясь в этой джонке.

Мне нужно снова увидеть Цикаду.

Но все, что я вижу, – это Ку. Здоровая, *счастливая* Ку, берущая Цикаду за руку.

Ку, которую знала я, никогда не хотела держаться со мной за руки.

Я хватаюсь за борт джонки в поисках поддержки, зажмуриваю глаза, когда приближается Ворон.

– Эй. – Его голос звучит откуда-то издалека. Рука ложится мне на плечо. – Все в порядке?

Как будто ему не все равно. *Продолжай*, хочу сказать я. *Спроси меня, почему я застыла там, во дворе Цикады.* Он, должно быть, умирает от любопытства. Я бы на его месте уж точно умирала.

Но он не спрашивает. Просто повторяет вопрос еще раз. Я не могу сказать, искренна ли тревога в его голосе. С Вороном я о многом не могу поговорить.

Я прислоняюсь лбом к борту. Такая приятная прохлада.

– Просто оставь меня в покое.

– Ты всегда можешь обратиться к моему врачу.

– И закончить как ты? – Моя грудная клетка напрягается, легкие сжимаются. Отлично. Паническая атака. И не в какой-то другой момент, а прямо сейчас. – Нет, спасибо.

– Это моя собственная вина в том, кто я и где.

– С чего бы? – Не то чтобы меня волновал Ворон или то, как он приобрел свою чахотку. Но мои ноги дрожат. Я чувствую, как соскальзываю на палубу.

Ворон обхватывает меня рукой, останавливая мое падение.

– Врач распознал мой кашель на ранней стадии. – Он ведет меня к одному из чайных столиков; у меня не хватает сил сопротивляться ему, когда он усаживает меня на табурет. – При достаточном отдыхе я мог бы предотвратить переход болезни в хроническую форму.

– Тогда почему бы тебе не сделать это?

Ворон жестом подзывает слугу и отправляет его обратно с указанием, смысла которого я не улавливаю. Я едва слышу его, когда он говорит:

– Трудно отдыхать, учитывая состояние империи.

– Какая преданность. – Сарказм теряет свою пикантность, когда задыхаешься. – Все, что ты делаешь, это ради твоей леди?

– Да. Все, что я делаю, делается для моей леди.

– Потому что ты думаешь, что она самая сильная?

– Потому что я беспокоюсь.

За сохранность собственной головы. С таким большим количеством талантов на скамейке запасных Миазма может позволить себе убить любого в ту же секунду, когда они разочаруют ее.

Моя голова кажется огромной, как перезрелая дыня, которая вот-вот расколется. С моих губ срывается тяжелый стон.

– Поговори со мной, Зефир.

С какой стати я должна это делать?

– У тебя есть сестра? – Пусть личный вопрос заставит его замолчать.

– Нет, – отвечает Ворон. Он звучит как будто издалека. – Но у меня была подруга детства, которая мне как младшая сестра. Мы почти все делали вместе. Сочиняли пафосные стихи. Дискутировали о смысле жизни. Увивались за одними и теми же господами и дамами.

– Это мило. – Я бы хотела, чтобы моя сестра была похожа на не-сестру Ворона. – Это очень мило...

Слуга возвращается с бронзовым чайником. Ворон наливают.

– Вот, – говорит он, придвигая ко мне дымящуюся чашку. – Выпей чаю.

Чашка звенит, когда я кладу руки на стол, из последних сил поднимаясь на ноги.

– Мне нужно идти.

– Куда?

– К Цикаде. – Я осознаю, что мое тело держится только

благодаря разуму, губы шевелятся, произносятся слова, о которых я не думаю сознательно. – Война будет затратной независимо от того, кто ее ведет. Для империи будет лучше, если я смогу убедить Юг сдаться, не вступая в сражение.

– Я чуял, что мы слишком задержались с нашим визитом.

– Тогда оставайся здесь и жди моего возвращения.

Ворон хватается меня за локоть. Силой разворачивает меня по направлению к себе, и я наваливаюсь на него. Я хватаюсь за его руки и поднимаю взгляд.

Он не реагирует. Просто смотрит на меня сверху вниз, по его плечам рассыпаются его черные волосы, губы приоткрыты, когда он переводит дыхание. Он все еще выглядит болезненно – миска бульона из костного мозга пошла бы ему на пользу, – но и божественно, с этого ракурса. Красивый, думаю я, прежде чем осознаю, что, возможно, я больна, учитывая, что у меня троится в глазах.

– Тебе действительно стоит выпить чаю, – говорит он, и я отпускаю его.

– Я не хочу чаю.

Но я не успеваю далеко уйти, как чувствую, что мне нужно отдохнуть.

Я дрожу. Я не должна дрожать в эту летнюю жару.

Ворон догоняет меня.

– Может быть, не сейчас, но через час ты пожалеешь, что не сделала этого.

Через час. Моя рука, когда я ее поднимаю, по тяжести

могла бы сравниться с бревном. Со мной что-то не так, и это не только потому, что я болезненно реагирую на встречу с Ку. У меня притуплены мысли, когда Ворон снова усаживает меня. Он наливает свежую чашку чая и обхватывает моими руками теплый фарфор.

Пей, говорят его глаза.

Пей, а иначе...

Апатия. Тошнота. Лихорадка. Он так настойчиво хочет, чтобы я пила.

– Ты отравил меня.

Это становится очевидно, как только я обвиняю его в этом. Конечно, он отравил меня. Если бы снадобье не добралось до моей головы, я бы поняла это раньше.

– Ты бы сделала то же самое, – говорит Ворон как ни в чем не бывало.

Умно, признаю. Отравив, он держит меня на привязи. Куда бы я ни пошла, мне придется вернуться за противоядием.

Я поднимаю чашку, руки дрожат против моей воли. Но мой взгляд устойчив, и он фиксируется на глазах Ворона поверх фарфорового ободка, пока я пью до дна.

Когда я поднимаюсь, мои ноги уже более устойчивы. Ворон не останавливает меня, и я уже почти дохожу до ступенек, прежде чем он заговаривает.

– Передай Цикаде мои наилучшие пожелания.

– Не пойдешь? – Я стараюсь казаться равнодушной. Я не должна позволять ему думать, что его общество нежелатель-

но.

– Весьма скоро ты прибежишь ко мне.

Не напоминай мне.

– Ты хотел бы, чтобы это было из-за твоего обаяния, – протяжно произношу я, и Ворон делает грустное лицо. – Но никто по доброй воле не последовал бы за тобой, если бы ты не отравил его.

– Теперь ты ведешь себя просто... – Он замолкает в при-
ступе кашля.

Отвратительно. Я спускаюсь по ступенькам, не обращая на него внимания.

Кашель прекращается.

Его тень перекидывается через борт джонки; его голос доносится снизу.

– Как бы там ни было, мне жаль.

Сожаление ему не идет. Но его извинения оставляют за мной последнее слово. На это я не могу жаловаться.

– Не стоит. – Я преодолеваю последнюю ступеньку и плю-
хаюсь в лодку, ожидающую на воде. – Как ты и сказал, я бы
сделала то же самое.

6. Золотистая кожица Цикады

Я бы сделала то же самое.

У меня вырывается смех, когда я прогуливаюсь по городскому бульвару.

Нет, Ворон. На твоём месте я бы убедила Миазму казнить меня на месте. Я бы использовала все стратегии, описанные в книгах, чтобы это произошло, если бы сомневалась в твоей преданности.

Вместо этого я жива. Отравлена, да, и во власти Ворона. Но пока я дышу, я буду составлять планы.

Южные земли известны своей изысканной кухней и изобразительным искусством, и это видно, когда я выхожу на рынок. На ярко задрапированных прилавках торговцев есть все – от жареных кальмаров до гобеленов, сотканных из мелкого жемчуга. На одном прилавке висят серебряные доспехи.

– Они сделаны вручную, – говорит торговка, заметив, что я уже дважды смотрю на товар. – Нет двух одинаковых, и я продаю их с пожизненной гарантией.

Такого доспеха на всю жизнь не хватит. Даже я могу сказать, что в ламинарии слишком много щелей. Когда я говорю об этом торговке, она смотрит на меня так, словно у меня выросли волосы между бровей.

– Разумеется, это парадный класс. Слишком тонкий, чтобы носить его на поле боя.

– Сколько?

Она называет свою цену, и у меня дергается глаз. Один из этих костюмов мог бы кормить армию Жэнь неделями.

Уходя, я повторно осматриваю рынок. Похоже, никто из торговцев не живет от продажи до продажи. Даже беженцы – единственный признак нашей расколотой империи – сыты и обуты. Два грамотея ведут политические дебаты в трактирном баре. Учитель проводит урок на крыльце аптеки, декламируя со своими учениками стихи Мудрого Мастера Шэн-циуса.

Царство Эрудиции, именно так, я слышала, Цикада стала называть Юг. Больше похоже на Царство Изобилия. По сравнению с Севером, терзаемым голодом, ставшим полем битвы между Миазмой и всеми инакомыслящими главнокомандующими последнего десятилетия, эта земля – рай. Как Ку оказалась здесь, при дворе Цикады, выше моего понимания. Я должна быть благодарна ей за это, но...

– Лу’эр! Пяо’эр! – Зов из окна второго этажа. С улицы врываются две девочки. Одна спотыкается и падает позади другой, кричит, когда обдирает коленку.

Обернись. Другая девушка помогает своей сестре подняться, и я понимаю, что Ку продолжила бы бежать, если бы я упала.

Что-то мокрое брызгает мне на нос. Я поднимаю взгляд; начинается дождь. Когда в последний раз шторм застигал меня врасплох? Слишком давно, еще до того, как я научи-

лась читать небеса.

Помни, кто ты такая и кем ты не являешься. Ты здесь ради Жэнь.

Ты здесь ради себя.

Я уклоняюсь от торговцев зонтиками, которые тянутся прямо ко мне, и продолжаю движение в направлении Шатра Найтингейла. Дождь прекращается так же внезапно, как и начался. Я добираюсь до главных ворот и ныряю под одну из ив, украшающих территорию, вне поля зрения стражников.

Пока я разведываю участок, подъезжает несколько крытых телег, перевозящих группу людей, одетых в меха, которые должны быть просто запрещены в этом климате. Некоторые держат посохи, расширяющиеся кверху, как головы пи-тонов, с бронзовыми кольцами, которые звенят, когда пассажиры спрыгивают на землю.

Монахи, мистики, гадалки. Бродячие торговцы всякой ерундой. Старый секретарь двора выходит к воротам, и я жду, пока он разгонит толпу.

Вместо этого он приглашает их пройти вперед.

Обычно я считаю общение с эзотериками ниже своего достоинства. Сегодня это мой пропуск внутрь. Я проскальзываю в очередь, пока стражники осматривают фургоны, и обнаруживаю монахиню, стоящую за последней повозкой. Она укутана в шкуры и опирается на свой посох.

Я шепчу:

– Я заплачу тебе за этот наряд. – И она выпрямляется.

– Это будет недешево. – Ее рот – клумба зубов из различных металлов, золота и бронзы, пробивающихся из ее десен.

Я ослабляю завязку своего мешочка с деньгами – любезно предоставленного Миазмой – и протягиваю его. Лучше потратить на это, чем на парадный ламинарный доспех.

Монахиня встряхивает мешочек, затем косится на меня.

– Тебя окружает необыкновенная аура, дитя.

– Это все мои деньги. Мне больше нечего дать.

Монахиня кружит вокруг меня.

– Ваши меха, пожалуйста, – подсказываю я, мое терпение иссякает, когда она бормочет какое-то заклинание. Когда она заканчивает, я снова чувствую, что вся мокрая, вероятно это опять яд. Она протягивает мне свои меха, и я облачаюсь в них. Я беру ее посох, занимаю ее место.

Стражники пропускают нас ко входу.

Мы следуем за чиновником через сады в большой внутренний двор, окаймленный с трех сторон кустами жимолости.

– Леди в скором времени подойдет к вам, – говорит чиновник. – А пока...

Когда я отступаю назад, заросли кустарника вонзаются в мои лопатки. Когда чиновник поворачивается, я поворачиваюсь тоже. Меня окружают благоухающие цветы. Я прокладываю себе проход сквозь них, выхожу из внутреннего двора и попадаю в другой, на ходу сбрасывая меха. Проливной

дождь превратил цвет моей одежды из бежевого в навозный,
а конский хвост — в прилипшую к шее невнятную субстан-
цию. Вряд ли я достойна аудиенции у Цикады.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.